Юлия Давыдова

Хранитель талисманов 2

Серия "Хранитель талисманов"

Юлия Давыдова

Хранитель талисманов 2

«Автор»

2021

Давыдова Ю.

Хранитель талисманов 2 / Ю. Давыдова — «Автор», 2021 — (Хранитель талисманов)

Битва выиграна, но война не окончена. Обстановка остаётся напряжённой. Воды Озёр Мрака, затопившие долину Синевы, всё больше угрожают Алавии. А уцелевшие отряды сурвак, аркаидов и драконов объединяет под своим началом новый командир — Таркор. И он не остановится ни перед чем, выполняя последнюю волю повелителя. К тому же оборотень знает, как посеять тьму в сердце единственного хранителя и убедить его отвернуться от берегинь. Никита ищет способ пробудить Арнаву от вечного сна. Кому, как ни тёмному оборотню помочь ему в этом?

© Давыдова Ю., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Пролог 5
Глава 1 21
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Юлия Давыдова
Хранитель талисманов II

Пролог

Двадцать три года назад

Ночной ветер раздувал пепел по подоконнику. Холодный, осенний, очень сильный, но одинокий и безрадостный.

Елена осторожно выглянула в окно и затянулась последней сигаретой. Сегодня на улице никого не было. Лавочки пустовали, потому что днём их щедро полил дождь, да и никто в здравом уме не пойдёт гулять в такую погоду. Жаль лето. Пока тепло, ночь не так опасна. Много народа, шумных компаний, больше света в окнах, люди дольше не спят. А сейчас снова придётся бежать от остановки до дома, покупать продукты сразу на неделю, чтобы потом лишний раз не выходить из квартиры.

Елена тяжело вздохнула, вспомнив о деньгах. Сразу задумалась, что из припасов можно доесть, чтобы не тратить последние. Она на цыпочках вернулась в комнату, легла на кровать и потрогала лоб сына. Горячий. Температура держалась уже три дня.

На прикроватной тумбочке осталась только одна упаковка антибиотика и витамины. Значит, деньги уйдут на лекарства. Елена опустила руку под кровать, достала начатую бутылку. Водка была нужна, чтобы обтереть Никиту и дать ему хоть какое-то облегчение.

– Один глоток, – молодая женщина быстро открутила крышку, глотнула и сморщилась.

«Народные средства, блин. И я ещё врач!» – расстроенно подумала она.

Ветер глухо подвывал под окнами. Елена, обняв сына, всё-таки задремала. Её давно мучила бессонница. Цветные сны возвращали в прошлое, в реальные события её жизни, и каждый раз Елена подскакивала на кровати с криком. Поэтому сейчас она научилась дремать. Едва сон начинал развиваться в сторону кошмара, она успевала проснуться.

Звук ветра внезапно стал громче, и сквозь него на мгновение проступил вой. Отчётливый, близкий…

Елена вскочила в тот же миг, но… в комнате по-прежнему горел ночник, и ветер тихо шумел за окнами. Молодая женщина несколько минут глубоко дышала, потом снова легла. В надежде, что вой ей приснился. Ведь такое бывало часто.

Никита зашевелился под одеялом, высунул маленькую ножку в синем носочке. Елена улыбнулась, обняла его и снова задремала, на этот раз до утра.

Серый рассвет разнообразили звуки дома. Жильцы проснулись, заиграло радио. Елена выпила кофе, покурила, потом разбудила Никиту и заставила поесть. Тот, конечно, что-то промяукал – вроде того, что он не хочет, но съел всё.

Сын вообще мало разговаривал. Только по делу. В лексиконе не было слова «хочу», что Елену и радовало и пугало. Чтобы ребёнок в четыре года ничего не хотел? Это странно. Голубые глаза смотрели чересчур осмысленно, и кивал он тоже разумно.

– Никита, мама не может отдать тебя в садик.

Кивок.

– Тебе придётся посидеть дома одному.

Кивок.

– Ничего не бойся.

– Не боюсь.

И на этом Елена понимала, что в дальнейшие объяснения можно не вдаваться. Сын всё прекрасно понял. А если не понял, значит, такие вопросы его принципиально не волнуют.

Вот и сейчас, она поцеловала Никиту в лоб, дала лекарства и велела идти спать. А в обед пообещала прийти. Сын улыбнулся ей и пошёл в комнату.

– Господи, спасибо тебе, – сказала Елена.

Если бы её ребёнок был, как все обычные дети, она уже застрелилась бы. Но её сын ничего не просил, не ныл, вися на ноге, не кричал попусту и понимал всё с первого слова.

Елена быстро оделась, закрыла дверь на оба замка и спустилась на первый этаж. Не доходя до площадки, остановилась. Через несколько минут её ожидания вышел сосед, а Елена мастерски изобразила удивление:

– Ой, Анатолий Юрьевич, доброе утро! Как это мы всё время с вами вместе выходим?

– Утро доброе, Леночка, – поприветствовал молодую женщину сосед. – Ну что, на автобус?

– Конечно!

* * *

Елена работала совсем недалеко, всего три остановки. Была больница подальше, намного интереснее в плане зарплаты, и там тоже требовался медицинский персонал. Но другой конец города…

Нет, Елена не могла туда пойти. Лимит времени для возвращения домой – пятнадцать минут. Нельзя долго светиться на улице. В конце рабочего дня она всегда поджидала кого-нибудь в холле, выходила только с людьми и сразу бежала к остановке на первый же появившийся транспорт. Особенно сейчас, когда Никита лежал с воспалением лёгких.

Этот день оказался не менее тяжёлым, чем все остальные. Тянулся долго и жутко раздражал Елену. В обед она вернулась домой, по дороге забежала в аптеку, магазин, накормила сына, дала лекарства и помчалась назад. Опоздала на три минуты, выслушала кучу претензий. Занялась делами, думая как бы ей лечь вместе с Никитой на лечение. Потеря в зарплате будет, а это совсем не хорошо. Бюджет и так пуст. Значит, работать.

Наконец, рабочее время закончилось, и с огромным облегчением Елена поехала домой. Сын сидел на кухне в момент её прихода и пил чай. Вернее, дул в воду, наблюдая за пузырями.

– Ты что, сам поставил чайник? – удивлённо спросила молодая женщина, вешая пальто.

– Буу-у… – ответил Никита.

Елена подошла, потрогала его лоб и спросила:

– Где градусник?

Никита вытащил его из подмышки.

– Тридцать семь и пять. Многовато, – вздохнула Елена. – Почему ты не в постельке?

– Надоело, – невозмутимо заявил ребёнок.

– А, – женщина засмеялась, – уважительная причина.

Она села рядом и взъерошила светлые волосы сына:

– Давай договоримся, что ты сам чайник не ставишь пока?

– Ладно, – ответил Никита.

Невозмутимость голоса внушала доверие.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Елена.

Никита обнял маму и удобно устроил голову на её грудь:

– Хорошо.

– Что будешь кушать? – задумалась Елена. – Сварить картошку или суп доешь?

– Мёд.

Сын смешно причмокнул губами. Наверное, вспомнил, как весь перемазался липкой жижей и долго слизывал лужицу янтарного цвета со стола. Пока Елена, конечно, не застала его за этим занятием.

– Малыш, мёда нет, – сказала она.

– Знаю, – грустно ответил Никита, и в его голосе прозвучала полная трагическая обречённость.

Елена усмехнулась, ещё посидела подумала и, наконец, решила, что сын сделал правильный выбор.

– Подожди, мой хороший, – вздохнула она, поднимая Никиту на руки и отправляясь с ним в комнату.

Там Елена спрятала сына под одеялом, велев притвориться мышкой. Никита сразу принял игру и затаился в складках постели, вообще исчезнув из виду. А молодая женщина, забрав из кошелька последние купюры, пошла к соседке наверх.

Мария Дмитриевна открыла дверь на долгий звонок:

– Чего Леночка?

Та протянула ей деньги:

– Дайте мёда, на сколько хватит.

Елена спустилась на свой этаж, держа полный до краёв стакан, как золотой слиток, и замерла, взглянув на приоткрытую дверь квартиры. Она плотно закрыла её, выходя. Никакой сквозняк не смог бы её открыть, а Никита очень послушная и тихая мышка. По крайней мере, пока в её образе.

Неужели за три минуты её отсутствия кто-то залез?! Так тихо, так быстро?! Елена встала на цыпочки и просочилась в прихожую, не издав ни звука.

Из комнаты раздавался мужской голос.

– И как же тебя звать? – спрашивал он.

– Я мышка, – вполне честно отвечал Никита.

– Вот как? – мужской голос был приятным и весёлым. – Именно так ответил бы настоящий волк. А чего такой горячий?

– Воспаление.

Елена осознала тот факт, что понять горячий ты или нет, можно только потрогав, и страх очень быстро сменился на ярость. Кто посмел дотронуться до её ребёнка?!

– Так ты, мышка, болеешь? Ну что же, давай-ка выпей лекарство, – раздалось из комнаты.

И молодая женщина ворвалась в неё со стаканом наперевес, но… застыла, увидев картину. На диване сидел Никита, свесив ножки, и улыбался, а напротив него на полу расположился мужчина в светлой рубашке и брюках. Чёрная куртка лежала рядом с ним на коврике, а сам он держал перед мальчиком какую-то склянку с красной жидкостью, и по комнате расходился аромат малины.

На поток воздуха, внесённый Еленой, незнакомец обернулся. Оказался симпатичным, а когда встал, ещё высоким и широкоплечим. Женщина невольно отступила. Против такого противника ей точно не выстоять.

– Здравствуй, Елена, – незнакомец улыбнулся.

У него была очень приятная улыбка. Показались ямочки на щеках.

– Знаете меня? – Елена строго оглядела мужчину. – Вы кто?

– Я родственник, меня зовут Иван.

– Я вас не знаю.

– А я не твой родственник, – незнакомец сказал это насмешливо и кивнул на Никиту: – Я его дядя.

Ребёнок как раз засунул нос в баночку с красной жидкостью.

– Никита! Не пей!

Иван успел подхватить склянку, потому что от вопля мамы мальчик отбросил её от себя.

– Уходите! – Елена рассердилась и испугалась одновременно.

Иван отрицательно покачал головой и снова сел на коврик перед кроватью:

– Не бойся, я просто в гости.

– Я о вас никогда не слышала! – голос Елены задрожал.

– И я о тебе мало знаю, – улыбнулся Иван. – Давай познакомимся?

– Вон! – крикнула женщина в панике.

От напряжения ноги стали ватными, и стакан начал оттягивать руку своим весом.

– Ладно, сначала я, – почти ласково произнёс мужчина. – Меня зовут Иван Рилевский. Я отцу твоего сына приходился четвероюродным братом. Далёкие связи, конечно, но роднее никого нет. Так что Никите я дядя.

– Четвероюродный? – прошептала Елена.

– Да.

– Зачем ты пришёл?

– Я думаю, помочь.

– Мне не нужна помощь!

Иван встал, а Елена от страха выронила стакан.

– Я тебя понимаю, – кивнул Рилевский. – Ты уже четыре года прячешься. С того момента, как убежала из роддома.

Он сделал к женщине шаг:

– Наверное, у тебя есть причины так поступать, а мне пока доверять не за что.

– Откуда ты знаешь? – едва выговорила Елена.

От страха губы просто отказывались ей подчиняться. Она ждала резкого движения незваного гостя, уже готовясь отбиваться, бежать на кухню за ножом…

Иван поставил баночку на тумбу.

– Это и правда лекарство, – спокойно произнёс он. – Очень хорошее, сразу поможет.

И, забрав куртку с пола, не торопясь направился к двери.

– Я там гостинцы привёз, – между делом заметил он. – Только не выбрасывай. Сама не будешь, отдай кому-нибудь.

Это Рилевский сказал уже из подъезда, и его удаляющиеся шаги заставили Елену подскочить к двери и захлопнуть её. Она сразу же побежала на кухню посмотреть в окно. Возле дома «родственник» сел в УАЗик, минут пять прогревал двигатель, но Елена даже не сомневалась, что он смотрит в её окна. А потом он уехал. И только тогда женщина опустилась на стул.

Её трясло ещё полчаса, но постепенно разум взял верх. Она вспомнила, что надо кормить сына и посмотрела на четыре раздутых пакета на кухонном столе. Стала разбирать их. И по мере того, как на столе выкладывались горками продукты, у Елены начала появляться мысль, что она, наверное, не всё правильно поняла. Хотя это лучше, чем ошибиться в самом начале. Если ты жертва, секунда промедления стоит ровно столько, сколько вся твоя жизнь в целом.

Елена давно усвоила это правило выживания и сейчас не пожалела о том, как встретила в квартире незнакомого мужчину. У неё были все права на грубость.

Но содержимое пакетов всё равно приятно радовало. Иван, похоже, скупил всё, что попалось на прилавках и даже привёз что-то домашнее. Аромат сладких пирогов обнял кухню. Елена с сомнением достала один, откусила кусочек и застыла. Волшебно растаявший на языке, он вдруг унёс её в незнакомый бревенчатый дом с жаркой печкой. Там румянилось сладкое тесто, на столе, покрытом вышитой скатертью, стояли чашки с ягодами и кувшины с молоком…

– Мам!

Голос сына вернул молодую женщину в реальность, и она вздрогнула. Видение растаяло, оставив чувство летнего тепла и волшебного света, наполнявшего тот чудесный дом.

– Вкусно, – заявил Никита и поставил на стол пустую узорную баночку.

Елена шёпотом выругалась. Как же она забыла про так называемое лекарство?! На лице сына играла улыбка и появился румянец. Елена положила руку на его лоб, подумала и взяла градусник. Через несколько минут убедилась окончательно, что температуры нет.

– Это не возможно, – сказала она сама себе, понюхав остатки напитка, от которого исходил сильный и очень приятный запах малины.

Никита уселся за стол и тоже начал разбирать еду. Просто играл с кучей предметов разных форм и размеров. Елена внимательно следила за ним, думая вызывать скорую или нет. Кто знает что было в этой склянке? Может, медленный яд?

– Я свихнулась, – наконец призналась себе женщина. – Меня давно пора лечить, а я скрываюсь. Ну пришёл к нам родственник, может, и правда родственник.

Елена постаралась точно вспомнить всех, кого знала со стороны своего мужа Ярослава. Среди них не было никакого Ивана Рилевского. Даже никогда не упоминали. Но с другой стороны, все, кого она знала, мертвы. Все довольно страшной смертью. А он очень, очень дальний. Может, его не нашли? Хотя могут. А он тут…

Елена похолодела. Если Иван действительно тот, за кого себя выдаёт, то ему очень опасно находиться рядом с ними. Его тоже убьют! Если, конечно, он не один из тех…

Женщину опять затошнило. Несмотря на то, что этим воспоминаниям было четыре года, они, похоже, намертво закрепились в её голове. И никакому времени не удастся хоть чуть-чуть, хоть каплю смазать их.

– Мам, – позвал Никита, вытряхнув из пакета пачку денег.

У Елены возникло ощущение нереальности происходящего. Может, Иван дьявол? Хочет купить душу? Платит едой и деньгами. Так может… продать? Да уж, если он убийца, то очень странный.

* * *

Следующий день был таким же хмурым. Елена не находила себе места на работе и даже выбежала на пять минут пораньше. Но по закону подлости долго не было автобуса, так что она успела порядком замёрзнуть и понервничать на остановке.

Когда приехала, уже стемнело. До дома оставалось метров двести, и молодая женщина мчалась на всех парусах. Сердце вздрагивало всё сильнее. На улице совсем никого. Холодно, дождь.

Елена понимала, что нельзя просто мчаться вперёд, надо оглядываться по сторонам, только так вовремя увидишь опасность. Но страх был сильнее разума, и она почти бежала, думая только о крыльце своего дома.

Параллельно её дороге тянулась освещённая аллея. Свет фонарных столбов горел тускло, но фигуру человека всё же обозначил…

Елена, заметив его, резко остановилась, и по спине пробежал холодок. Человек стоял неподвижно, наполовину скрываясь за столбом. Непонятно было, куда направлен его взгляд, но движение головы последовало за Еленой. Это мог быть пьяный парень, отдыхающий у столба, пока его сильно укачивает, или трезвый парень, ожидающий девушку на свидание, или же… охотник, поджидающий добычу.

Елена стояла. Осветив столб, вспыхнуло синее пламя, и уже совсем другая тень скользнула в темноту. Наверное, человек, увидевший это впервые, испугался бы, но и всё же испытал бы интерес. Из-за простого любопытства или каких-то фантастических предположений.

Только Елена уже видела это. Четыре года назад. Поэтому она знала: если у тебя ещё есть ноги – беги!

Туфли отлетели в стороны. По мокрому асфальту она бежала босиком, не чувствуя ни боли, ни холода. Мелькнули яркими пятнами окна домов, словно мираж появилось крыльцо…

– Лена! Стой!

Чьи-то сильные объятия внезапно поймали её в тиски.

– Да что с тобой?

Иван, наконец, зажал женщину так, что она уже не могла пошевелиться, только с безумным страхом смотрела на аллею. Но там никого не было.

Рилевский отпустил её:

– Ну всё? Ты от кого так неслась?

Елена постояла ещё секунду и медленно сползла по руке Ивана, отчаянно шепча:

– Нельзя терять сознание.

А оно ей уже не подчинялось, исчезая во тьме.

* * *

Елена очнулась через несколько минут в квартире. Сразу попыталась вскочить, но Иван удержал её.

– Не так резко, – улыбнулся он, – голова закружится.

Никита стоял рядом, держась за длинные мамины волосы. Она быстро прижала сына к себе.

– Что ты здесь делаешь?! – Елена всё-таки подскочила. – Как вошёл?

– Пришёл снова в гости, – пожал плечами Рилевский. – А ключи у тебя в кармане были.

Молодая женщина наконец осознала, что сидит на диване, а из одежды на ней только рубашка, но нижнее белье, правда, на месте.

– Ты меня раздел?! – Елена грозно встала.

– Ой, только не бей, – Иван, смеясь, закрыл голову руками. – Ты вся мокрая была и ноги в крови.

Елена посмотрела вниз. Поняла, почему у неё такое странное ощущение – обе ступни были в перевязке. Она же бежала без обуви.

– За мной гнались, – прошептала Елена и замолчала.

Рилевский вопросительно смотрел на неё, но женщина не смогла продолжить. Как можно сказать: за мной гнался оборотень?

– Я долго без сознания? – спросила она.

– Минут сорок, – ответил Иван. – Пока ты спала, мы начали ужинать.

– Что? Ты… ты… – возмущённо залепетала Елена.

Рилевский поднялся с пола:

– И еда там остывает, пойдём.

Елена дар речи потеряла. Слов не было как-то назвать такое поведение. Это была даже не наглость! Какой-то мужчина спокойно входит к ней в дом, играет с Никитой, даёт ему какие-то лекарства без спроса, а теперь ещё кормит ужином, а её раздевает в придачу!

При этом сам такой… Следующая мысль отвлекла Елену от первой в пользу Ивана. Трудно не назвать его симпатичным. Даже красивым. И эта фигура – крепкая, грациозная в движении, прямая осанка. Такой человек должен быть привыкшим смотреть свысока, но нет! Он просто образец простоты и добродушия. Настолько образец, что может позволить себе без колебаний пойти и приготовить ужин на чужой кухне.

Елена сделала осторожный шаг, стараясь не тревожить повязку на ступнях.

– Я тебя отнесу, – предложил Иван.

Елена погрозила ему пальцем:

– Только дёрнись!

– Не сердись, – Рилевский, наблюдая за ней, засмеялся. – Святые духи, я свою жену так не уговаривал.

– У тебя есть жена? – Елена остановилась.

– Да.

«Обидно», – молодая женщина вовремя удержалась и не сказала это вслух.

– Она у меня чародейка, – весело добавил Иван, поднимаясь. – И меня волшебничать учит, только не сильно у меня получается.

Он взял Никиту за руку и, дружно шагая рядом, они вместе пошли за Еленой. На кухне Рилевский поставил перед ней тарелку, положил картошку с курицей и подвинул салат:

– Я не повар, так что не придирайся.

Никита потянулся к Ивану ручками, и тот, сев на табуретку, поднял мальчика к себе на колени. Елена взирала на эту картину с непониманием и недоверием.

– Никита, иди к маме, – позвала она.

Ребёнок коротко ответил «нет» и остался с дядей.

– Никита! – Елена занервничала. – Иди сюда.

– Ладно, Никит, – Рилевский сам отпустил его, – иди к маме.

Елена прижала сына к себе и посмотрела на картошку в тарелке, источающую горячий вкусный аромат. С минуту молча наблюдала, как стекает золотистыми каплями тающий кусочек сливочного масла и, наконец, сказала:

– Я тебе не верю.

– И правильно, – Иван, щурясь смотрел на неё. – А почему?

– Почему? – Елена сверлила его взглядом. – Убили всю вашу семью. Ярослава, его мать, отца, его родного брата, даже бабушку. Ты что, не знаешь об этом?

Голос женщины был спокоен, но подрагивающие руки выдавали напряжение:

– Их в буквальном смысле разорвали на куски!

– Знаю, – кивнул Иван. – Послушай, я жил очень далеко отсюда, связи были почти утеряны, но…

– Но? – Елена ждала.

– Я отправился на поиски совсем недавно, – вздохнул Рилевский. – Нашёл всех погибших по некрологам. Сначала своих маму и отца…

Женщина вздрогнула, удивлённо глядя на него.

– Потом искал двоюродных, троюродных, – продолжал Иван, – и да, даже четвероюродных братьев и сестёр. Я искал всех. А потом нашёл тебя. Помнишь друзей Ярослава? Павла, например?

– Да, – Елена вздрогнула.

Такой друг и правда был.

– Я говорил со всеми, кто знал вас, а все говорили о тебе, – рассказывал Рилевский. – И о том, что ты родила в день трагедии и исчезла. Твои родители ничего не объяснили, кроме того, что ты им звонишь иногда и просишь тебя не искать. Лена, я уважаю твоё желание быть ненайденной, – Иван внимательно смотрел на неё, – но вы мои единственные родные. Я очень рад, что нашёл тебя. Надеюсь, ты поймёшь это и не убежишь от меня.

Елена резко встала и посадила Никиту на стул.

– Если ты знаешь, что случилось с твоими родственниками, почему ты так спокоен? – спросила она. – Тебя не посещала мысль, что это неспроста?

– Конечно, – Рилевский невозмутимо пожал широкими плечами, – но я пока жив.

– Вот это меня и пугает! – Елена наконец сорвалась. – Ты ведёшь себя не как член семьи! Ты не боишься!

Она следила за выражением лица Ивана и боялась сейчас, в этот самый момент увидеть то, что не убедит её – сомнение или волнение. То, что выдаст его, докажет его причастность.

– Никита их кровиночка и посмотри на нас! – нервно сказала Елена. – Я бегаю уже четыре года, и моя жизнь ад, но ты!.

Рилевский внезапно встал, и женщина замолчала, испугавшись, что обидела его, но он лишь показал на Никиту:

– Давай-ка мы сначала уложим спать богатыря.

Иван поднял ребёнка и понёс его в спальню. А Елена открыла форточку и закурила, слушая, как Рилевский что-то тихо рассказывает её сыну. Тот смеялся, даже что-то отвечал. Определённо, Никите новый родственник нравился. Наконец, голоса в комнате стихли, а Иван вернулся на кухню.

– Нам надо уехать, – Елена встретила его этими словами, когда он вошёл.

Рилевский кивнул:

– Хорошо. Куда?

Женщина выдохнула дым и молча оглядела родственника.

– Я на твоей стороне, – произнёс он насмешливо.

– Я этого не знаю, – серьёзно сказала Елена.

– Что же мне сделать? – спросил Иван. – Чтобы ты мне поверила.

Елена хмыкнула. Она и сама не знала ответа на этот вопрос.

– Я хочу помочь, – мягко заверил Рилевский. – Лен, позволь мне.

– Тебе надо уходить, – вздохнула Елена, – как можно дальше. Эти твари, кажется, нашли нас. Если мне не показалось.

– О ком ты? – нахмурил брови Иван.

– Я не знаю, – женщина вздрогнула. – Не знаю, кто они. Они убили семью моего мужа. И они не люди. Сначала выглядят, как мы, а потом превращаются…

Елена замолчала. Рилевский ждал ещё мгновение, а потом подошёл к ней и обнял. Как Елена не хотела потерять контроль сейчас. Превратиться в плаксивую куклу на глазах у человека, уже глубоко ей симпатичного, и которому она всё ещё не доверяла. Потому что только эта привычка – никому не верить, сохранила жизнь ей и её сыну. Но как сильны были эти объятия…

Елена не видела, а Иван, прикоснувшись к ней, что-то прошептал, не потревожив звуком воздух, зато ощутила, как успокаивается биение её сердца, и всегда холодные пальцы рук теплеют. Сознание окутала приятная дымка. Словно заклинание Ивана отделило от неё страх и недоверие.

Елена положила голову на его грудь и всё-таки призналась:

– Я убегала от оборотней всё это время.

Это были слова, после которых можно было ожидать всего – смеха, вызова бригады скорой помощи из ближайшей психбольницы, но…

Рилевский наклонился к её уху и произнёс:

– Никто тебя больше не обидит.

Елена подняла на него глаза.

– Я не сумасшедшая, – прошептала она, – это правда…

– Никто, – твёрдо повторил Иван.

Елена застыла, испытывая странное ощущение. От Рилевского исходила сила не только физическая. Взглянув впервые по-настоящему в его глаза, она вдруг поняла, что они очень похожи с глазами Никиты. Тот же наполненный тёмно-голубой цвет в чёрном обрамлении густых ресниц. Но за этим невинным цветом виделся блеск, которого пока не было у её сына, словно душой Ивана была сталь, излучавшая жаркое тепло кузнечной печки, в которой она закаливалась.

– Ты действительно хочешь помочь? – с надеждой спросила Елена.

– Хочу, – Рилевский смотрел на неё с улыбкой.

– Спасибо… – прошептала женщина.

Иван наклонился и поцеловал её в лоб:

– Не за что.

* * *

Утром Рилевский отвёз Елену на работу, вечером встретил. На следующий день соседи уже спрашивали, что это за приятный молодой человек? Это даже льстило Елене.

Вечером за ужином она попыталась расспросить Ивана о его жизни, но он просто мастерски уходил от прямых ответов, отвечая что-то общее. В итоге Елена так и не поняла где конкретно он живёт и чем занимается. Но добродушие Рилевского притупляло её хорошо натренированное внимание.

Елена знала, что это зря, что её должно настораживать отсутствие полной информации, но впервые за четыре долгих года она позволила себе переложить хотя бы малую долю своей тревоги на плечи другого человека, и это с лихвой компенсировало всё.

Иван сказал, что приехал ненадолго и скоро уедет, но на следующий день он остался, а потом ещё на один. Дата отъезда всё переносилась, и вот уже неделю его присутствие согревало Елену.

Он сидел с Никитой, с неподдельным интересом занимался домашними делами, словно каждый раз заново изучал возможности духовки и дешёвой отечественной стиральной машины. Елена по-прежнему относилась к нему с опасением, но, едва увидев в окне УАЗик со знакомым номером, улыбалась. Рилевский встречал её в холле здания и, взяв за руку, вёл к машине.

Елена продолжала оглядываться по привычке, даже испытывала чувство, что за ней следят, наверное, тоже по привычке, но это быстро улетучивалось, когда Иван захлопывал дверцу машины и, весело рассказывая что-нибудь, вёз её домой.

К концу недели Елена поверила ему. Поверила, как себе. И когда перед сном, Рилевский не подошёл поцеловать её, она возмущённо пискнула:

– А как же я?

– Ага! – Иван обрадованно подошёл к Елене. – Всё? Душенька твоя спокойна?

Он припечатался губами к её щеке от всей души, прижав Елену к подушкам, а потом так же уложил спать Никиту. Насмешил обоих и, пожелав спокойной ночи, лёг на свой матрас на полу.

– Спасибо, – тихо-тихо прошептала Елена, засыпая сладким сном.

Ненадолго…

Ночью она проснулась от кошмара, в котором снова стояла у окна роддома и смотрела сквозь мутное стекло на улицу. Сразу села на кровати отдышаться и уже по привычке повернулась посмотреть на Ивана. Вид его крепкого тела в одних трусах, в дружеской обнимке с плюшевым медведем, служившим подушкой, обычно придавал спокойствия, но…

Ивана не было. Одеяло откинуто, одежды нет.

«Ночь, на часах половина второго! И где он?»

Елена почувствовала приступ нервного удушья. Она на цыпочках прокралась к окну на кухне и стала всматриваться в темноту.

Машина Рилевского стояла напротив. Как и он сам. В чёрно-синей ночи его фигура в тёмной куртке почти сливалась с УАЗиком, но вот он сделал шаг, став хорошо различим в свете единственного тусклого фонаря. Кажется, он ждал. Не потревожив звуком тишину, рядом с ним появился огромный чёрный волк…

Елена застыла, превратившись в пустой манекен в собственных мыслях. Вспыхнуло синее пламя, и в темноте перед Иваном встала человеческая фигура. Они, похоже, разговаривали.

Елена сползла на пол.

«Он с ними… – мысли медленно образовались в голове. – Он вошёл в наш дом, он ближе, чем кто-либо».

Женщина поползла в комнату:

– Он нас убьёт, убьёт…

Руки сами вытащили сумку, забросили в неё первые попавшиеся вещи, лекарства и документы. Потом связали простыни.

– Никита, – Елена растормошила его, – вставай.

Тот открыл глаза и удивлённо взглянул на маму.

– Вставай, – Елена подняла сына, одела и обвязала простынями.

Сквозь распахнутое окно врывался холодный ветер.

– Мама, я сплю, – неловкий протест остался не услышанным.

Елена дёрнула узел, проверила прочность и посадила сына на подоконник.

– Мы играем, солнышко, играем, у нас ночные убегалки, – горячо шептала она, пытаясь сдержать дрожь в голосе и не напугать ребёнка.

– Опять? – возмутился Никита.

Женщина медленно спустила сына со второго этажа, сбросила сумку и сползла по простыням сама. Они оказались с другой стороны дома.

Елена молила бога, чтобы Иван дольше стоял на улице и не торопился в квартиру. Она подхватила Никиту, несмотря на его протесты, и побежала к дороге. Погони всё ещё не было. Машина такси затормозила на отчаянную жестикуляцию женщины с ребёнком.

– К вокзалу, – сказала Елена, усаживая сына. – Поехали!

* * *

На железнодорожном вокзале было светло, как днём. Народа немного, но компания молодёжи была. Они громко смеялись, пили лимонад, украдкой добавляя в него водку, и часто выходили курить.

Елена ходила за ними по пятам. В таких компаниях можно было спрятаться, просто находясь рядом, хотя… она понимала, что это ей только кажется. Если бы её преследовали люди, может тогда, наличие свидетелей играло бы роль, но те, кто охотился за ней, принципиально не видели свидетелей.

Возле роддома, где убили Ярослава, было много народа, и едва начинался вечер. Тогда на улице, ещё при свете солнца, дворник подошёл отогнать надоедливого папашу от окон. Один свидетель и две жертвы в итоге.

Никто не поверил Елене, которая своими глазами видела, как к спорящим внизу людям подошли два человека. Смуглые парни с красивыми фигурами, почти одинаково одетые. Они не сказали ни слова, просто вспыхнуло синее пламя и огромные чёрные волки уложились в тридцать секунд, оставив на земле лужи крови и куски разорванных тел, а потом исчезли в кустах.

Никто тогда не поверил Елене. Даже она сама не поверила себе и ещё несколько дней была в шоковом состоянии, беспрерывно спрашивая, где её муж. А потом, когда ей показали кровавые фотографии дома его родителей, логика подсказала, что теперь очередь Никиты. И только тогда она поняла, что надо бежать.

По залу разнёсся голос диспетчера, объявляя о прибытии поезда. Елена взяла билет на самый первый, проходящий мимо. Не важно куда. Она выберет следующий город в расписании

поезда напротив купе проводницы. Это всё очень просто. Она выйдет на перрон, сядет в такси, поедет в гостиницу. С утра начнёт искать квартиру и работу. Как делала это уже много раз.

Елена подняла спящего Никиту на руки, повесила сумку на плечо и пошла за людьми к выходу. Но внезапно… её взгляд выхватил высокого смуглого парня, стоящего в центре зала. И сердце молодой женщины ушло далеко вниз, к самым пяткам.

Человек осматривался внимательно, явно в поисках кого-то. Елена опустила голову, приблизилась к впереди идущему мужчине, пряча за его спиной Никиту. Она уже прошла мимо парня, но что-то внезапно заставило её обернуться и… она похолодела. По-звериному потянув носом воздух, он уставился точно на неё, безошибочно выделив запах страха.

Елена не заметила, что уже бежит. Сумка вылетела из рук, Никита проснулся и непонимающе заголосил:

– Мама! Мы куда?!

С угла зала наперерез шёл ещё один оборотень. Елена, увидев его, с ужасом поняла, что это конец. От них не убежать! Не спрятаться! Они не видят свидетелей, и никто их не остановит. Их просто нельзя остановить! Они убьют Никиту! Это конец!

И вдруг… в проёме дверей перед ней возник Иван. Елена врезалась в него, не успев остановиться, и попыталась отскочить. Но сильной рукой Рилевский остановил её, обнял и завернул за широкую спину.

Ничего не понимая, женщина увидела, как бликуя в свете ламп, лезвие меча выходит из-под куртки Ивана.

На лицах оборотней зажглись хищные улыбки, и клыки вырвались из дёсен, выбивая кровь. Фигуры охватило синее пламя, мгновенно уничтожив одежду и человеческое тело, и огромные волки, перелетев мешающих людей, закрыли собой свет…

Елена не могла кричать. Горло пересохло так, что никакой звук не смог бы пройти. Прижимая к себе Никиту, оглохнув от испуганных воплей, заполнивших зал, она смотрела.

Не сходя с места, Иван встретил чудовищ круговым движением меча. Первый получил удар в бок под основание лапы, и лезвие вошло в грудную клетку. Рилевский успел провернуть его в ней, прежде, чем толкнуть тело волка навстречу другому оборотню. Тот сменил направление атаки в долю секунды, но Иван увернулся, разворачивая и Елену с Никитой, закрыв их собою, словно щитом. Оскаленная пасть оказалась над его головой, и, перехватив меч, он послал его снизу вверх, пробив горло волка. В падении зверь пропахал лапой по груди Рилевского, и тот низко присел, чтобы воткнувшиеся в плоть когти не вырвали рёбра.

Елена, видя это, наконец взвыла. От страха и удивления, смешавшихся вместе, получился просто глухой вопль, а не крик. Иван отшвырнул тело огромного чудовища от себя одним движением и прижал ладонь к груди, туда, где из-под ткани рубашки густо засочилась кровь. Но это всего миг, и Рилевский поднялся, убрал меч за спину, забрал Никиту из ослабевших объятий Елены, а её саму поднял за локоть:

– Идём!

Они побежали на улицу, оставив в зале толпу перепуганных людей.

Машина Ивана стояла близко, почти у ступеней крыльца вокзала, двери салона приоткрыты. Рилевский усадил Елену с Никитой на заднее сидение, сел за руль и дал по газам. Колёса взвизгнули, и УАЗик на бешеной скорости выехал на дорогу.

За окнами замелькали точки фонарей, а всё за ними стало тёмной стеной.

– Куда мы едем? – охрипшим голосом спросила Елена, крепко прижимая к себе сына.

Никита смотрел на неё своими голубыми глазами, и кажется, совсем не боялся. А Иван напряжённо глядел во все зеркала.

– Домой, – ответил он. – Собираем вещи, и я тебя отвезу в другое место.

– За нами погоня? – женщину затрясло.

– Думаю, да, – кивнул Рилевский. – В зале были только двое. А мои следопыты доложили, что группа минимум из шести.

– Твои следопыты? – у Елены противно кружилась голова и сильно тошнило.

– Да, моя хорошая, ты видела нас, да? Поэтому убежала? – Иван взглянул на неё. – Прости, надо было тебе рассказать. Не знал как.

– Мне надо пакет, – еле выговорила Елена.

Она открыла окно, вдохнула холодный воздух и краем глаза заметила три фигуры на дороге позади…

Сердце больно ударило в груди, и оглушённая этим звуком Елена сползла по сидению:

– Иван, Ива-ан…

– Вижу, – отозвался тот, – они уже километров пять за нами.

Елену всё-таки вырвало, она прижала к лицу какую-то салфетку.

– Мы умрём, – зашептала она.

Тело стало ватным, безнадёжно слабым, и именно в этот момент через окно пассажира впереди, с жутким грохотом выбив стекло, ворвалась чёрная морда с жёлтыми глазами и оскаленной пастью. А Елена даже не закричала. Только зажала сына руками, как утопающий держит спасательный круг, и перестала воспринимать происходящее.

От внешнего удара машина ушла с полосы. На такой скорости полёт за пределы дороги был делом одной секунды. Реакция Ивана была почти мгновенной, но она ушла на то, чтобы молниеносно выброшенный меч вошёл в горло твари по самую рукоять. По инерции при резком торможении, уже бездыханное тело выбило лобовое стекло, вылетая в тёмные заросли. УАЗик срезал кусты и мелкие деревца и, наконец, с грохотом остановился, встретив дерево помощней.

– Догнали, – прошептала Елена.

– Не-а, этот ждал на дороге, – быстро ответил Иван, уже толкнув дверцу.

Он выскочил сам, вытащил Елену с Никитой из машины, завёл их в заросли и плеснул им на одежду какую-то жидкость.

– Ни звука, слышишь? – сказал он Елене. – По запаху вас теперь не найти.

Женщина слабо кивнула, но Рилевский взял её за плечи и сильно встряхнул:

– Даже если меня убьют, ни звука! Вас найдут Северсвет и Дарья, запомнила? Они идут за нами. Нам продержаться всего несколько минут.

Елена со слезами на глазах смотрела на него.

Иван поцеловал обоих и помчался назад к машине. Вернулся как раз к тому моменту, когда три волка спрыгнули с дороги. Один из них прошёл по крыше УАЗика и обратился в человека. Елена видела его, и даже в человеческом облике оборотень наводил ужас. Чёрные, как смола волосы, жёлтые огоньки глаз, мощная фигура с хищной пластикой.

– Рилевич, гадский выродок… – довольно зарычал он.

Рилевский почему-то засмеялся:

– И я тебя приветствую, навиец.

Елена не могла видеть эту схватку сквозь слёзы. Оборотни ринулись на Ивана все втроем, и звук лезвия его меча, молниеносно рассекающего воздух, словно разрубил её саму. Одна её часть едва дышала, задавленная ужасом, а вторая осознавала, что Рилевского сейчас убьют!

Елена в отчаянии посмотрела на сына. Почему? Почему за Никитой такая страшная охота? Почему истребляют всех, кто хоть как-то с ним связан?

Сквозь пелену слёз, она взглянула на Ивана. На нём уже не было куртки, он сам сбросил её. В складках ткани его рубашки, ставшей красной от воротника до пояса, собиралась кровь и капала на землю. Меч в левой руке, потому что раскроенную правую он держал согнутой в локте возле рассечённой груди, чтобы приостановить потерю крови. Но на окруживших его

волков он смотрел без страха и, несмотря на ясный финал этого неравного боя, не собирался отступать ни на шаг.

Елена плакала беззвучно, но внезапно ощущение чужого присутствия позади, всего на мгновение опередило руку, зажавшую её рот. Женщина ринулась всем телом к Никите, но её силой удержали на месте и она услышала над ухом:

– Тихо, Леночка, свои.

Елена обернулась и увидела двоих – парня и девушку. Не надо было долго раздумывать, чтобы понять – это не люди! Помимо того, что оба были почти голыми, чёрные волосы девушки обрамляли красивое лицо с золотыми волчьими глазами.

Парень произнёс:

– Я Северсвет.

Елена замерла. Девушка улыбнулась ей, оскалив белоснежные клыки, а парень отвёл руку от её рта:

– Сиди тихо, Леночка.

И оба поползли вперёд. Елена вытянула вслед голову, но они уже исчезли из виду. А возле машины, оборотни, окружившие Ивана, не торопились убивать его, словно хотели насладиться моментом сполна.

– Ну, где же вы? – Елена всматривалась сквозь ветки кустов.

Она неосторожно подалась вперёд, и едва слышный шорох мгновенно развернул оборотней в её сторону. Мелькнувшего светлого пятна пальто было достаточно, чтобы всё понять. Они ринулись к Елене в тот же миг.

В кустах полыхнула вспышка, и огромная собака с белыми лапами, ничуть не меньше волков, врезалась в одного из них. С другой стороны поднялась чёрная волчица и прыжком догнала другого, но третий…

Елена застыла, понимая, что им с Никитой не убежать. Оборотень прыгнул точно к её сыну. Конечно! Ведь целью всегда был он!

Но внезапно… голос Ивана наполнил воздух, словно гром, и произнесённые слова, будто сорвали печати всех измерений. Ослепительно-яркий свет окутал Никиту, став очертанием огромного волка, закрывшего ребёнка собой. Звуковой волной его рёва несколько деревьев рядом вырвало с корнем, и третий зверь рухнул на землю оглушённым, из его пасти брызнула кровь. Призрак растаял в сиянии в ту же секунду, а Елена подхватила Никиту, крепко прижав к себе.

– Как ты, как?. – она заглянула в его глаза, ожидая самого худшего, но сын был спокоен. Даже… улыбался.

Елена встряхнула его:

– Мальчик мой!

– С ним всё хорошо, – раздалось за её спиной.

Женщина обернулась. Иван стоял рядом, опираясь на меч. В разрывах ткани его рубашки виднелись глубокие порезы, наполненные кровью, но заметив полный страха взгляд Елены, он ободряюще улыбнулся:

– Выживу, моя хорошая, не бойся.

Рилевский расстегнул ремни, которыми на спине крепились ножны меча, снял мокрую рубашку, вынул из кармана брюк кусочек белой ткани с вышивкой и приложил его к самой глубокой ране.

Елена смотрела на него и молчала, испытывая все чувства сразу: страх, тревогу, облегчение и удивление.

– Ты давно сражаешься, – наконец сглотнула она.

Иван кивнул как ни чём не бывало:

– Можно сказать с рождения.

А Елена, широко открытыми глазами смотрела, как белая ткань стягивается на ране, склеивая её края, как останавливается кровь и вспухшая на месте разреза кожа возвращается в нормальный вид.

– Кто ты, всё-таки? – с придыханием прошептала она.

Иван только улыбнулся:

– Я действительно дядя Никиты.

Елена понимала, что Рилевский говорит правду, но лишь малую её часть.

Пока они стояли, вокруг вовсю шла работа по сокрытию следов произошедшего. Северсвет, оставшись собакой, копал яму под тела оборотней, очень быстро углубляясь лапами в землю.

– Машина выживет! – крикнула Дарья от УАЗика. – Вроде. Северсвет, потянем?

Елена с новым для себя ощущением разглядывала девушку оборотня. В человеческом облике её фигура, покрытая тонкой тканевой сеткой, была мускулистой и крепкой, длинные чёрные волосы спадали на плечи. Дарья помогла Северсвету столкнуть тела оборотней в яму, а потом в одно мгновение снова стала волчицей. Вдвоём с собакой они легко вернули машину на дорогу.

Иван посадил Елену с Никитой, сам сел за руль. Оборотни на этот раз тоже поехали с ними в салоне. Елена от шока даже не обращала внимания на их быстрый переход из одного облика в другой. Три секунды – и в синем пламени либо волк, либо человек.

Весь обратный путь она просто молчала. Так много хотелось понять, но любая попытка сосредоточиться, чтобы сформулировать вопрос, приводила только к повторению перед глазами картин сегодняшней ночи. Елена и не заметила, как оказались у дома. Когда поднялись в квартиру, Северсвет весело спросил:

– Нам полагается ужин?

– Уже завтрак, – усмехнулась Дарья.

Пока Иван укладывал Никиту, Елена собрала на стол, и через несколько минут все сели на кухне. Тихо гудело радио, готовясь проснуться. Елене казалось, что она никуда не уезжала. Отчасти потому, что её не было дома всего два часа.

Ощущение нереальности подогревали полуголые оборотни, смаковавшие чай с конфетами, запах крови и разговор…

– Место подготовлено, – рассказывал Северсвет. – Город местного значения. Квартира в центре, возле стоянки службы такси. Здание старого образца, стены толстые, окна и дверь уже заменили. Пуленепробиваемый стеклопакет. Я сам пробовал пробить. Только трещину сделал.

– И плюс там лесопосадки вокруг отличные, охране будет где обращаться и прятаться, – добавила Дарья и посмотрела на Елену: – Ты их видеть не будешь, как и никто. Но сама будь на виду.

Иван добавил к этому:

– Да, моя хорошая. Мы, конечно, поняли, как тебя быстро находить, но лучше, если ты нам поможешь и сократишь это время до самого минимума. Хорошо?

Елена утвердительно кивнула и спросила:

– Кто спас Никиту?

Белый волк был самым непонятным из происходящего, уже хотя бы потому, что он был призраком. Северсвет и Дарья переглянулись, и тоже вопросительно посмотрели на Рилевского. Хотя в их взгляде читался чисто практический вопрос. Тот пожал плечами:

– Чего смотрите? Я и сам не знал, что будет такой ответ.

Иван задумался:

– Меня Брада научила перед этим заданием. Велела, если вдруг опасность будет велика до смертельной угрозы, позвать этого духа. Ну вот, до Никиты никому из нас было не успеть, так что я позвал.

– Берегини будут удивлены, – заметил Северсвет. – Ответ хранителя во внешнем мире – это новость.

Рилевский взглянул на притихшую Елену и объяснил:

– Это был дух-хранитель белых волков Бимир. Ярослав был из этого рода, как и твой сын, соответственно. Я тоже имею в себе частичку этой крови, наши рода связаны, поэтому Бимир ответил на мой призыв о помощи. Но это действительно невероятно, потому что уже почти сто лет, как живых хранителей нет. И никому за это время не посчастливилось видеть этого духа.

– Похоже, берегини совсем не зря поручили тебе это задание, – задумалась Дарья. – Не мне судить о важности жизни твоего племянника, но появление Бимира говорит о многом.

– Берегини? – переспросила Елена.

– Верховная берегиня – это кто-то вроде президента, – объяснил Иван. – Только полномочий у неё побольше будет.

Он усмехнулся:

– Представляешь, какое у меня важное задание?

Елена достала сигареты и закурила.

– Я пока не понимаю ничего, – сказала она, – но это потому, что я в шоке. Когда пройдёт, я подумаю. Только ты мне проясни: белые волки или хранители, это оборотни?

– Конечно, – кивнул Иван.

– И что, Ярослав мог?.

– Не мог, – отрицательно покачал головой Рилевский. – И Никита тоже не может, об этом не волнуйся. Не будет так, что зайдёшь в комнату, а там белый волчонок носится.

Елена сделала глубокую затяжку и с облегчением выдохнула дым.

В открытую форточку внезапно влетела большая птица, внеся поток ветра. Елена от неожиданности присела и выронила сигарету. А грациозный медово-коричневый сокол сел на руку Ивана. Тот вытянул её для птицы.

Елена тихо выругалась и, схватив полотенце, пошлёпала им по дымящейся сигарете. Рилевский насмешливо наблюдал за её действиями. Женщина, наконец, остановилась и шумно выдохнула. Просто сложно было справиться со всем вот этим…

Сокол посмотрел Ивану в глаза внимательно, совсем по-человечески, и через мгновения взмахнув крыльями, вылетел в окно, а Рилевский сказал:

– Дорога проверена. Никого. Поехали.

* * *

В восемь утра Елену привезли на работу, к обеду она была уволена по собственному желанию. Раньше отъезд проходил в быстром темпе без процедур. Елена предпочитала заводить новую трудовую книжку на каждом месте, боясь потерять ценные минуты. Но сейчас, рядом с Иваном и двумя оборотнями она не торопилась.

К вечеру этого дня они преодолели пятьсот километров и въезжали в другой город. Старинное здание в центре оказалось великолепным сооружением для весьма небедных владельцев. Елене даже было стыдно сюда заезжать. Но вещи уже внесли, Северсвет и Дарья попрощались и вышли, а Рилевский, посадив её на кухне, отдал последние указания:

– Часто у нас видеться не получится. Наверное, в следующий раз я появлюсь совсем не скоро. Но ты всегда знай – рядом с тобой охрана, за тобой наблюдают. Сама будь настороже. Охранников своих не ищи, этим ты их засветишь, и ещё… расскажи Никите.

Елена нахмурилась:

– Я подумаю.

Иван кивнул:

– Твоё право.

– Может, и не скажу.

– Тоже твоё право.

Рилевский обнял её:

– Всё, моя хорошая, мы поехали.

Елена удержала его в объятиях.

– Постой, – улыбнулась она, – сейчас наберусь духу тебя отпустить.

Иван засмеялся, постоял ещё немного, пока Елена слушала звук его сильного сердца, прижавшись ухом к груди.

– Спасибо, – наконец вздохнула она. – Хотя это не то слово, чтобы выразить мою благодарность.

Уже направляясь к двери, Иван улыбнулся:

– О чём ты? Вы же моя семья.

Елена проводила всех, помахав рукой с крыльца дома отъезжающей машине. Когда вернулась в квартиру, села возле Никиты. Сын ещё спал, и она наклонилась над ним, рассматривая его лицо. Спокойное и безмятежное.

Хорошо не знать об опасностях, которые грозят тебе каждый день. Можно жить, не прячась и не боясь.

«Зачем тебе знать»?

Елена вздрогнула от этой мысли.

«Чтобы оглядываться всю жизнь и видеть кошмары»?

Она погладила сына и поцеловала в лоб.

– Нет, ты не узнаешь, – прошептала Елена. – Пока, а может, и никогда. Я сделаю всё, чтобы ты не узнал. У тебя будет хорошая, достойная жизнь, пойдёшь в школу…

Как давно она не могла позволить себе помечтать. Ведь каждый день был всего лишь ещё одним и к вечеру мог оказаться последним. Незачем думать о будущем. Но сейчас…

Сейчас за окном зажегся вечерний свет, и шумящие деревья вдруг стали невероятно красивыми в тихом ночном ветре. Волшебное чувство – знать, что кто-то там, за этими окнами, наблюдает за тобой, заботится о тебе и хранит от всех невзгод.

Елена обняла Никиту, накрылась пуховым одеялом и, наконец, заснула, забыв обо всем.

Глава 1

Наши дни

Воздух Огатора мягко дрогнул. Тревожно всколыхнулась листва. В чаще леса блеснула вспышка, и резкий звук разорвал тишину спящего леса.

– Это он? – оборотни переглянулись.

Кто-то зарычал:

– Задрал он своими выпендрежами из внешнего мира.

Между деревьями на узкую просеку медленно выехал внедорожник.

– Как называется эта груда железа?

– Машина, – ответил Туран.

– Они вроде по-разному называются…

– Это ты задрал своими вопросами! Спроси Таркора! – раздражённо бросил Туран, поднимаясь. При этом покачнулся.

Голова разламывалась после удара, едва не разрубившего череп. Кровяная корка слепила волосы с кожей и трескалась при любом движении. А оборотень уже десять раз за последний час доложил данные разведки. Можно было и между собой поделиться! Так нет же, надо каждому, вновь прибывшему разъяснять отдельно, что захоронений вокруг Темника нет, тела нигде не висят, зато реют алавийские флаги. Пленных много, но все в стенах под охраной. Ничего больше узнать не удалось. Вся округа кишит патрулями.

После рейда к городу Турана и так передёргивало от алавийских знамён на башнях, так что объяснять что-то о железке сейчас было выше его терпения.

Погасив слепящие фары, внедорожник остановился у пеньков. Многочисленные выходы с тропы не прошли для него даром. Краска на бортах ободрана, бампер помят, зеркала сбиты.

Таркор вышел из машины. Туран давно его не видел – с момента наступления. В боевых действиях первый слуга повелителя не участвовал по какому-то особому распоряжению, так что сейчас выглядел намного лучше, чем присутствующие. Чёрные волосы коротко и аккуратно острижены, чистое лицо без следов ударов и порезов, людская одежда без пыли.

Оборотни молча оглядели Таркора, как и он их. Воины Темника оправились от ранений после битвы за свой город, но вид всё равно был потрёпанный. Теперь у них не осталось места для восстановления сил. Вокруг огромная территория, полная врагов. Но на зов они пришли.

Таркор передал послания для всех выживших, включая аркаидов, велеалов и сурвак. На последних надеялся больше всего. Простые солдаты нужны для его плана более других. Но и оборотни послужат последней воле повелителя.

– Нас осталось мало, – сказал один из старших командиров Таркору.

Тот кивнул:

– Я знаю. Кто ещё пришёл на зов?

– Аркаиды, велеалы и сурваки ждут тебя у входа в Дизей, как ты просил, – ответил командир. – Чего ты хочешь?

Таркор посчитал оборотней. Собралось всего около тридцати, но этого ему хватит для задуманного.

– Вы хорошо сражались, – произнёс Таркор. – Но ваш бой ещё не окончен. Мы должны уничтожить Алавию. Это последняя воля повелителя Скарада.

На минуту после этих слов лесную поляну сковала тишина. Оборотни молчали, а Таркор знал, что возражений не будет. Они проиграли, бежали и потеряли всё. Теперь смысл жизни всех, кто выжил – мстить и убивать.

– Ты первый слуга повелителя, – один из командиров, наконец, опустил голову в поклоне: – Мне можешь приказывать. Приму твою волю.

– Мы тоже готовы, – ответили другие оборотни.

Таркор едва заметно улыбнулся. Лишь аркаиды возражали ему при повелителе, но оборотни всегда были в его распоряжении для любых целей. Они помнили, что Скарад доверял ему и разрешал ему всё. Первый слуга повелителя именно тот, кто может возглавить их.

– Всем отрядам собраться у Дизея, – отдал распоряжение Таркор.

Оборотни переглянулись:

– Что ты там ищешь?

Довольная улыбка тронула губы Таркора:

– Смерть Алавии.

* * *

Шумная городская ночь светлела. И утро, как всегда началось с того, что над головой заговорили громкие голоса. Раздражённый мужской, конечно матом, и нервный женский.

– Ну вас… – Никита, тяжело вздохнув, посмотрел в потолок. – Семь утра, суббота, обалдели совсем?

Но раз соседи проснулись, значит, спать уже точно не придётся, так что Велехов поднялся и пошёл умываться. Дом постепенно просыпался, всё больше гудя. И громкость разговора в квартире наверху нарастала. Внезапно хлопнула входная дверь, и быстрые шаги помчались по лестнице вниз. Наташа. Пока отчим – вечно с похмелья, разговаривал с мамой – вечно пьяной, девочка убегала.

Никита быстро подошёл к двери, открыл её и окликнул Наташу. Девочка остановилась на лестничной клетке внизу и обернулась.

– А, это ты… – хмуро приветствовала она соседа. – Я гулять.

Наташа застегнула старую куртку, собрала ядовито-розовые волосы в короткий хвост и сильно потёрла слезящиеся глаза.

– Стой, – с нажимом в голосе сказал Никита. – Не уходи. Пойдём, зайди ко мне на чай.

– Отстань, чего ты лезешь вообще?! – девочка расплакалась и бросилась бежать, перескакивая через пять ступеней.

Велехов и сам громыхнул дверью. Ну как так можно? С каких пор всё так изменилось? Или всегда было таким? А он просто забыл?

Забыл о том, что здоровый пьяный мужик может позволить себе ударить четырнадцатилетнюю девочку. Свою, пусть приёмную, но дочь.

В первый день, когда Никита только приехал в эту квартиру, местные пенсионерки поймали Наташу с сигаретой в руках в подъезде, отчитали и отвели к отчиму. На глазах у всех он ударил девочку по лицу.

Велехов стоял этажом ниже. Когда увидел, что происходит, поднялся наверх и сломал отчиму нос. Хотел сломать ещё что-нибудь, чтобы посыл дошёл, но началась трагедия. Выскочила жена с криками, Наташа убежала на улицу, а бабульки, чтоб их… Решили, что они не причём. Ещё и замечание Никите сделали: надо, мол, держать себя в руках, это отчим по-отцовски.

По-отцовски…

Полдня мама убеждала Никиту, что он был не прав, это дела семейные и влезать в них не надо. Велехов не стал с ней спорить, пообещал, что больше не будет, но присматривать за девочкой не перестал. И вообще, дела семейные, да? Ребёнок бледный в синяках и одета в единственные джинсы с дырками в любую погоду. Семейные дела у них. Отговорки!

Иван не допустил бы и мысли, чтобы в его княжестве так обращались с детьми. Если кто такое услышит, князь приедет и посреди ночи, чтобы лично разъяснить непорядочному отцу семейства, в чём он не прав.

Но Наташа была только верхушкой айсберга. Через несколько дней после переезда Никита увидел толпу соседей, которые что было дури вопили друг на друга из-за грязного подъезда. Стены оплёваны, бычки валяются! Основной претензии бабушек отвечала молодёжь: «на это есть уборщицы» и «мы деньги платим».

Велехов вернулся домой, взял ведро и тряпку. Его никто не замечал ещё минут сорок, и за это время он спокойно вымыл стены и пол. И все дружно замолчали.

Через неделю Никита перекопал клумбу, натаскал кирпичей, побелил их и уложил в красивые бордюры. Просто так, чтобы возле дома была ухоженная территория. А потом занялся покраской лавок.

Вот и сейчас, утром, пока никого на них не было, и стояла на удивление жаркая августовская погода, он вышел с ведёрком краски и кисточкой. Велехову было нечего делать. Он был в отпуске от обязанностей хранителя. Так что наводил порядок вокруг себя и в мыслях.

Больше его, конечно, привлекал их загородный дом. Лучше было бы там повозиться, хоть окна вставить. Но мама наотрез отказалась отпустить его туда. Простой переезд в другую квартиру обговаривался две недели. Елена справилась со своим страхом с большим трудом, но в итоге всё-таки разрешила сыну уехать в соседний квартал.

Мерно водя кисточкой по доске, Велехов вспомнил свой приезд. Иван одолжил ему свою машину, сам не поехал – побоялся. И не зря. Никита долго уговаривал маму отказаться от идеи сбросить дорогущий внедорожник Ивана со скалы, хотя и понимал её чувства.

Обстоятельства его исчезновения давали Елене все основания полагать, что именно Рилевский виноват во всём. После получения от него посылки и обещания приехать, она вернулась домой, а там полный бардак. Всё разбито, на улице полиция обнаружила отпечатки колёс разных машин, лужу крови, волчью шерсть и следы огромных лап.

Масла в огонь подлил один из сотрудников полиции. Оценив объём крови на земле, он в присутствии Елены сказал, что ни один человек не выживет после такой потери. Женщина упала в обморок. А Никита в то утро был уже на выходе из тайного коридора Рилевы вместе с Иваном.

Через полтора месяца, жарким июльским деньком, он заехал во двор и увидел амбарный замок на двери. В саду ветер шелестел жёлтыми оградительными лентами. Заброшенность дома удивила только отчасти. Было понятно, что жить здесь мама не могла.

Велехов отправился в городскую квартиру. Вошёл, открыв дверь своим ключом. Елена сидела за столом на кухне, с ней две подруги, на столе водка и фотография сына.

– Мам! – окликнул её Никита.

Подскочили все. Елена, увидев сына, несколько минут не могла ни говорить, ни думать. Не могла даже плакать. Это потом, когда Никита прижал её к себе, она рыдала, уткнувшись в его грудь. Когда наконец проплакалась и оглядела сына, удивлению не было предела. Телосложение, цвет волос и глаз стали совсем другими. Чуть позже Елена заметила и новую походку – лёгкую и бесшумную, и, конечно, волшебный рисунок…

Никита, перед тем, как вернуться во внешний мир, гостил в Рилеве, и Софья по его просьбе сделала ему родовую надпись. Все оборотни носили на себе знаки своего рода, и Велехов тоже захотел. Небольшая надпись получилась. Всего-то символ Вулавала на груди – четыре скрещённых лезвия в круге, и строчки с именем и указанием ближайшей родственной связи – князя Рилевы.

Но Елена всё равно разглядывала эту красоту. В тонкие линии надрезов на коже была залита серебряная краска, и рисунок мягко поблёскивал на свету и в темноте. Елена пыталась

узнать что это, но Никита не сказал. Как не сказал и ничего о том, что с ним произошло, немного жёстко запретив об этом спрашивать.

А как можно было рассказать, что он теперь оборотень? Как рассказать, что его кровь была отравлена, и он излечился в тот момент, когда смерть отнимала самых близких его друзей? Может, стоило рассказать о долине Синевы, утопающей в чёрных водах Озёр Мрака, и храме-усыпальнице, где вечным сном уснула Арнава? Или о том, как он воткнул в сердце Скарада меч-талисман?

Было и ещё кое-что, о чём не мог рассказать Никита. Мысли о Вулавале не давали ему покоя. Пока он был в Рилеве, Софья часто рассказывала о землях белых волков. По её словам они опустели, и сейчас заросли дороги и тропы, ведущие к белому княжеству. Уже давно никто не знает, что стало с ним. И Никита захотел узнать. Его род начался на той земле много лет назад, и погиб, защищая её. Иногда приходит время вернуться к началу.

Велехов опустил кисточку с этой мыслью. Он докрасил последнюю лавочку у последнего подъезда и отправился домой. Встретил на крыльце вредных соседок. Бабульки вышли на улицу, посмотрели на покрашенные лавки, сразу загалдели, что сесть поговорить некуда.

– Зато завтра будете сидеть, как на новых, – усмехнулся Никита, – сегодня поплюёте семечки дома.

Соседки обиделись, а Велехов поднялся в квартиру. Дальнейший день лежал перед телевизором, по привычке сжимая в ладони свой медальон. Пока он жил при храме-усыпальнице во время его возведения, он всё-таки упросил Браду настроить и активировать медальон как положено. Установить двустороннюю связь. И научить пользоваться этим устройством. Брада согласилась, хотя это было против правил. Медальоны поддерживали связь между берегинями, а им совсем не было нужно, чтобы кто-то ещё сидел на их канале. Тем не менее теперь Никита мог входить в сознание Арнавы, даже на таком расстоянии.

Но это было вхождение в белый туман. Безграничный пустой мир, из которого иногда приходили неясные ощущения. Казалось, боль проникает в грудь и страх растекается в мыслях…

Велехов вздрогнул, просыпаясь. Он всё-таки уснул, и рука соскользнула с медальона. В комнате работал телевизор, шёл какой-то фильм. За окном солнце закатывалось за горизонт. Углы панельных десятиэтажек остро очертились его светом, а сверху на плоские крыши ложилась вечерняя тьма.

Никита потянулся, встал с дивана и не торопясь снял одежду. Потом открыл балконную дверь, впуская прохладный воздух. После сна тело всегда нагревалось градусов до сорока, и с кожи сходил жар.

Велехов с нетерпением дождался темноты. Убедился, что никого нет рядом и никто не смотрит из окон, а потом шагнул с подоконника балкона, обратился в воздухе и тихо прыгнул в ночь.

По пустынным улицам, мимо освещённого фонарями парка, вдоль мелкой речки, протекающей через город, спящим стройкам, с кранами, одетыми в гирлянды жёлтых огней, белый волк летел, словно призрак, забыв обо всём мире до самого утра.

* * *

Давно оставленные жителями катакомбы Дизея тихо гудели. Едва слышно стучали молотки и скребли лопаты. Звук и свет глушился специальными шатрами, возведёнными вокруг входа. В тоннеле шла работа. Очень давно обитатели подземного княжества Огатор строили свои города – великолепные сооружения в толще земли. На сводах огромных залов сияли сферы Альтана, сменяя ночь и день, по улицам текли чистые реки подземных вод, и в садах сверкали кристаллы, рассаженные жителями вместо цветов.

На глубине десяти метров оборотни и сурваки раскапывали створки огромных ворот главного города Огаторского княжества – Дизея. Широкий коридор, ведущий с поверхности, упирался прямо в них.

Аркаиды тоже были здесь, но работе предпочитали презрительное созерцание. Как и велеалы. Последних пришло всего двенадцать. Их народ и так был небольшим, а теперь и вовсе остались единицы. Те, что явились на зов, сбились в кучу в самом тёмном углу и оттуда поглядывали своими белыми глазами из-под тёмных капюшонов. А Туран поглядывал на них, пока рыл лапами камни и землю. Велеалы не воины, им только свои песни петь и сны навевать. Зачем они Таркору?

Старший аркаидов, глава рода Дикад к лопатам не притронулся и своим воинам не позволил. За что сурваки грызли этих рогатых амбалов в помятых доспехах злыми взглядами. Но нрав аркаидов знали все, так что ни слова им не сказали.

Дикад не торопился признать Таркора своим новым командиром, поэтому едва тот спустился в подземный коридор, аркаид встретил его соответствующим вопросом:

– Как ты выжил, подранок, и кто назначил тебя главным?

Начало разговора в таком тоне заставило всех остановить работу. Туран, как и остальные оборотни, принял человеческий облик и подошёл поближе. Для них Таркор всегда был правой рукой повелителя. И все они знали его особенность – принимать решения только с холодной головой. Так что сейчас никто не удивился тому, что Таркор не обратил внимания на презрительный тон аркаида и ответил ему одним словом:

– Скарад.

– Повелитель должен был сказать об этом всем командирам, – прорычал Дикад.

– Уж не ты ли решаешь, что должен был делать повелитель? – усмехнулся Таркор.

– Но и не ты!

– Что ж, – оборотень пожал плечами. – Тогда уходи. Мог бы не приходить на зов.

– Я пришёл не на твой зов, – так и рычал Дикад, – а всего лишь узнать, что ты задумал.

– Я выполняю то, что велел повелитель, – неожиданно жёстко произнёс Таркор. – Если хочешь быть частью этого, объединим усилия, если нет – пошёл вон.

Дикад молчал, а оборотень обвёл взглядом других аркаидов и всех собравшихся воинов Навии.

– Я должен найти особое оружие и использовать его против Алавии, – сказал он. – Такова последняя воля повелителя.

Таркор снял со своей груди плетёный шнур, вдетый в каменную печать с золотыми пластинками, и медальон берегини с изображением скрещённых мечей. Он поднял эти вещицы, отданные ему Скарадом, показывая так, чтобы все увидели.

Дикад подошёл вплотную, внимательно рассматривая печать и медальон.

– Ключ от зала Дизея не делает тебя новым повелителем, – выдавил он в лицо оборотня.

Таркор улыбнулся. Аркаида он убьёт. Позже, когда тот станет не нужным. А пока лишь напомнил:

– Если хочешь сражаться с Алавией сам, то не забудь, что почти все твои воины уже погибли. Скоро убьют последнего аркаида, и тебе будет более некем сражаться.

Лицо Дикада свирепело:

– Мы вышвырнем алавийцев!

– Как? – насмешливо спросил оборотень.

– Затаимся на время, – зарычал Дикад. – Они пустят в ход отряды оборотней и людей, и мы перебьём их.

Таркор засмеялся:

– Если кто-то хочет играть в партизан, я не держу.

Командиры сурвак и оборотней, собравшиеся в коридоре, внимательно смотрели на Таркора.

– Проваливайте в смерть! – жёстко сказал он. – И расскажите повелителю, как вы предали его. Но кто хочет выполнить его волю и стереть стены Алавии в пыль, те оставайтесь и присягните на верность мне.

– Не раньше, чем я увижу что за этими воротами, – прорычал Дикад.

Таркор переложил в ладонь каменную печать и передвинул когтями золотые пластинки на её поверхности, как в кодовом замке. Едва последняя встала на своё место, как массивные створки ворот с грохотом двинулись, таща за собой клубы пыли. За ними открылось огромное помещение, противоположные стены которого едва угадывались. Но через минуту оборотни выложили горящими факелами гладкий пол, покрытый мраморными плитами, и всё пространство озарилось неровным золотым светом.

От огня ярко засверкали кристаллы, покрывающие колонны, уходящие вверх к высоченным сводам. Казалось, что пламя вспыхнуло прямо в их гранях, освещая огромный зал, стены которого украшали выточенные в камне ажурные орнаменты.

Но здесь… ничего не было. Пустота. Лишь поднималась клубами пыль.

Дикад зарычал:

– И это всё? Таркор!

Оборотень, не обратив внимания на аркаида, вошёл в зал и двинулся к столу управления, расположенному в самой глубине. Все последовали за ним. Оборотни, сурваки и аркаиды осматривались в незнакомом месте, а Дикад отпустил злую насмешку:

– Ну? Так чем мы сокрушим Алавию? Воздухом?

Таркор остановился у стола управления и вытер пыль с его поверхности. Вспыхнула всего пара символов. Стол был отключён от основных систем города, да и почти все они были уничтожены. Скарад разрушил Дизей очень давно. Ещё в первую войну. Но зал управления оставил не тронутым. По определённым причинам.

На поверхности стола прорисовалось и очертание ладони с круглым углублением посередине. Таркор вложил в него медальон берегини Алавии. Всё было ровно так, как говорил ему повелитель, поэтому оборотень точно знал что делать и зачем.

Неяркий свет родился в пространстве меж тремя колоннами напротив стола управления. Мягко проступили в нём линии карты. Ничего особенного, просто обычная карта местности, какая есть в любом городе. Границы княжеств, ленты рек и дорог, точки малых и больших селений. Но именно эта карта – та, что здесь, в Дизее, хранила нужную информацию.

Неспешность Таркора раздражала Дикада, и оборотень, видя это, не торопился.

– Ты помнишь о князе Бимире? – спросил он.

– Да. И что? – недовольно ответил аркаид.

– И легенду о созданном им оружии против Озёр Мрака?

Дикад хмыкнул:

– Дизейцы помогли Бимиру создать особое оружие. Как оно выглядит никто не знает, как работает тоже. Уж ни его ли ты ищешь?

Аркаид заржал:

– Ха! Если бы это было правдой, Повелитель давно уничтожил бы это оружие или использовал его сам.

Губы Таркора тронула улыбка:

– Он не успел.

– Что? – коротко рыкнул Дикад.

На столе управления рядом с очертанием ладони появился схематический знак – изображение трёх соколов, соединённых крыльями по кругу, и закрытого свитка в центре меж ними.

Это говорило о том, что в медальоне осталось сохранённое послание. Таркор знал о чём оно со слов Скарада, но ни разу не видел.

Знак из трёх соколов вспыхнул под пальцем оборотня, когда он нажал на него, и в следующий момент пространство озарилось светом. Ярко засияли кристаллы на колоннах, освещая залитые кровью плиты пола и тела воинов, защищавших зал управления. Вокруг было полно сурвак и медведей, в центре стоял Повелитель и перед ним на коленях женщина в боевой одежде Алавии.

Медальон берегини лежал в ладони Скарада и светился ярко, сохраняя всё, что происходит вокруг, в послание, которое сейчас запустил в действие Таркор.

Дикад и остальные удивлённо осматривались. Послание было записано специальным способом, и они словно оказались внутри того, что происходило в этом зале сотню лет назад.

– Взгляни на меня берегиня, – говорил Скарад, – я срежу твоё лицо, заверну в него твой медальон и отправлю известие о твоей смерти этим посланием в Алавию, если не скажешь мне, где Бимир сокрыл оружие от Мрака озёр.

Женщина, сидевшая на полу, тяжело дышала. Её колени утопали в собственной крови, разорванный броневой панцирь лежал в стороне, а на теле от шеи до живота кровили глубокие порезы от драконьих когтей Скарада. Но она внезапно улыбнулась красными от крови губами и подняла на повелителя сияющий синим пламенем взгляд.

– И почему же ты думаешь, что я не скажу тебе? – прошептала она.

Скарад с интересом сощурился, а берегиня так и улыбалась:

– Я хочу, чтобы ты знал. Знал и боялся. Оружие уничтожит тьму озёр, и у тебя больше не будет власти, дракон. Обернись.

Повелитель ещё секунду раздумывал, но всё-таки повернул голову. За его спиной ярко светилась карта.

– Смотри внимательно, – прошептала женщина, неотрывно глядя на Скарада. – Оно в одном из подземных городов. На этой карте он отмечен скрытым ориентиром.

Берегиня сглотнула потёкшую по щеке слезу и провела по полу тыльной стороной ладони, одетой в металлическую перчатку. Внешняя пластинка отошла, обнажая совсем тонкое лезвие, впаянное в металл.

– Только моя рука открывает на этой карте отметку, которой помечен нужный тебе город, – шептала женщина. – Поэтому ты никогда не узнаешь, где оружие.

Скарад обернулся молниеносно и ринулся к берегине, но…

Она уже поднесла руку в перчатке к своим губам и провела по ним отравленным лезвием. Яд вошёл в кровь мгновенно, губы и лицо женщины покрыла красная сеть вздувшихся сосудов. Скарад схватил её с рычанием:

– Нет! Тирина!

Но голубое пламя в глазах берегини погасло, и она обмякла в его объятиях.

Повелитель в бешенстве отшвырнул тело женщины и её медальон. Он ударился о пол, и сохранённое им послание закончилось. Зал Дизея снова охватила полутьма. Лишь мерцала неяркими линиями карта, и вдоль стен горели факелы.

Оборотни с интересом смотрели на Таркора. Все, кроме одного. Туран остался взглядом на том месте, где истекала кровью берегиня. Почему-то ещё несколько мгновений так и стояла перед глазами её смерть, и ему было жаль её.

А на лице Таркора появлялась довольная улыбка.

– Значит, всё правда, – произнёс он.

Дикад схватил быстро, но хмуро свёл тяжёлые брови.

– И что дальше? – спросил он. – Если на этой карте действительно есть ориентир, который указывает место, где спрятано оружие князя Бимира, её не запустить без берегини. А она убилась сто лет назад.

Таркор усмехнулся:

– Эту проблему предстоит решить не тебе.

Дикад злобно взглянул на него:

– Что же ты отвёл мне?

– Лопаты у входа, – ответил оборотень.

Было заметно, как толстые жилы в мышцах аркаида наливаются кровью.

– На это есть сурваки! – рявкнул он.

Командир сурвак потянул за рукоять меча.

– Считаешь, что мы не воины? – прошипел он.

– Тихо, – приказал Таркор. – Я доставлю сюда берегиню.

– Ты доставишь? – Дикад оскалился в улыбке, забыв о сурваках. – У тебя есть заклинание для открытия дороги в прошлое?

Оборотень отрицательно покачал головой.

– Тирина успела оставить свою кровь в нашем мире, – произнёс он. – У неё был сын.

– Так что же повелитель его не взял, чтобы запустить карту? – прорычал аркаид.

– Он был бесполезен, – ответил Таркор. – Ориентир запускается рукой живой берегини. Только женщины. К тому же всех потомков Тирины начали прятать сразу после того, как Бимир озвучил своё предсказание о хранителе и лазурном драконе. Но, к нашему счастью…род лазурных драконов дал ещё одну женщину, а хранитель помог нам, сам того не зная. Не дал ей умереть, сохранил все талисманы и ключи к ним, и всё это в одном месте.

Аркаид думал, сложив руки на груди, но теперь, после слов оборотня, начал понимать, что они имеют смысл. А Таркор нашёл глазами среди всей толпы фигуры в тёмных плащах. Велеалы молча наблюдали происходящее. Оборотень едва заметно улыбнулся. Хорошо, что остались последние из этого народа, именно они и пригодятся для того, чтобы забрать берегиню. И больше они не нужны.

Командиры сурвак, недолго посовещавшись, подошли к Таркору.

– Мы готовы послужить последней воле повелителя, – озвучил один общее решение. – Клянёмся тебе в верности, оборотень. Приказывай.

И Дикад, наконец, согласился:

– Ладно, выкормыш. Я тоже послужу последней воле повелителя.

Таркор не обратил внимания на слово, которым аркаид назвал его, и подозвал к себе оборотней.

– Помимо остального, нам нужен хранитель, – сказал он. – Соберите группы. Одна во внешний мир, одна в Рилеву. Доставить нужно живым.

Таркор обвёл оборотней внимательным взглядом.

– Только живым, – повторил он, – и никак иначе.

* * *

Очередная прогулка прошла спокойно. На ночных аллеях никто не встретился, а дорогу Велехов перебегал, посмотрев направо и налево, чтобы не было приближающихся машин. Уже на подходе к дому ветер принёс знакомый запах, и Никита заинтересованно свернул в соседний двор.

На детских качелях качались совсем не детки. Едва вмещая разъевшуюся пятую точку между подлокотниками, здоровый парень лет двадцати дразнил Наташу бутылкой пива. Ещё двое сидели на бортиках песочницы, громко смеясь, а девочка пыталась изобразить стриптиз под хлопанье парней. Уже куртку сняла.

Велехов фыркнул:

– Приехали…

Чего-то подобного он и боялся. Ребёнок, считай, на улице живёт. Рано или поздно плохая компания затянет.

Присутствующим в песочнице и пребывающим явно под хорошим градусом, было мало стриптиза. Один из парней внезапно поднялся, взял Наташу за руку и потянул к себе, одновременно расстёгивая ремень на брюках. Девочка что-то залепетала, но получила только грубый толчок и упала.

Никита, мягко ступая, приближался к компании. Парень, торопливо расстегивающий ширинку, ещё пару секунд его не видел, а вот остальные подавились смехом и замерли, поражённо глядя на огромного волка. Белый зверь, ростом с человека, бесшумно и плавно появился из темноты. Велехов рычать не стал, тут одного вида хватит. Но раз уж пришёл, перехватил пастью через грудную клетку того парня, который держал Наташу, и забросил его в кусты. Двое других немедленно подскочили и ринулись бежать. Ни пискнули даже, только пятки засверкали в темноте.

Никита усмехнулся и посмотрел на Наташу. Девочка, сидевшая на земле, выставила в защитном жесте руку и уставилась в синие глаза громадного волка с таким ужасом… Но белый зверь нежно лизнул её ладонь и одним прыжком исчез в темноте.

Наташа посидела ещё секунду и подскочила, забыла схватить куртку и просто понеслась, как ветер. При этом успевая оглядываться. На ступеньках крыльца остановилась, тяжело дыша, и пятясь, просочилась за дверь подъезда. И ещё с минуту высматривала белый силуэт сквозь узкую щёлку.

Но ничего не увидела. Никита уже принял человеческий облик и пошёл проверить парня в кустах. Тот оклемался, но сидел на коленях в состоянии шока. Кровь капала с его волос. При ударе о землю, похоже, рассёк голову.

Парень удивлённо оглядел крепкую мускулистую фигуру голого человека перед собой и поморгал глазами.

– Ну что, ты живой? – насмешливо произнёс Велехов. – Будешь делать так, как сегодня, я это исправлю.

В синем пламени на землю опустился волк, и парень, тихо заскулив, сделал неловкую попытку отползти. Получилось не сразу, но белый зверь провожал его глазами, пока он, наконец, не поднялся на ноги и не бросился бежать без оглядки.

– Вовремя я, – вздохнул Никита.

Всё таки правильное было решение – на ночные прогулки из дома выходить. Одну беду предотвратил.

Велехов внимательно оглядел окрестности, убедился, что никого нет, потом вернулся к детской площадке, взял куртку Наташи в зубы и направился к своему дому.

Уже до окон дошёл, но невзначай поднял голову и успел захватить как раз то мгновение, когда невесомая фигура с огромным размахом крыльев проплыла над крышей.

Никита удивлённо остановился. Увидеть серебряного алавийского дракона над городской многоэтажкой было, мало сказать, неожиданно!

Медальон засиял на груди, открывая связь и рождая знакомое чувство присутствия чужого сознания в голове:

– Приветствую, хранитель.

– Ох, – удивился Никита, поняв кто его гостья. – Приветствую тебя, госпожа. Сейчас поднимусь.

Велехов быстро запрыгнул через балкон в квартиру, оделся и пошёл по лестнице на крыше. По дороге оставил куртку Наташи на ручке двери.

Ступив на площадку под небом, Велехов увидел рептилию в серебряной броне, лежащую на чёрном гудроне. Дракон не стал принимать человеческий облик, отдыхал так. Видимо, визит

не планировался быть долгим. Женщина в боевой одежде Алавии, плавно спрыгнула с его спины.

Никита уже и забыл как прекрасны берегини, а Гинева, кажется, стала ещё красивее, чем была.

– Хранитель, – поприветствовала она.

– Госпожа берегиня, – Велехов низко поклонился. – Что такое могло случиться, раз ты прилетела сама?

Всё же народонаселение внешнего мира видело дракона последний раз пару тысяч лет назад, и путешествие на нём из самой Алавии могло быть обусловлено только особой важностью дела.

Гинева улыбнулась:

– Случилось, хранитель. Совет приглашает тебя на грандиозное событие. И приглашение на него принято передавать лично. Выбирается новая верховная берегиня.

– Что? – Никита не поверил. – Кто решил?

– Сама Брада. Она слагает с себя полномочия.

– Не может быть. Что случилось?

Гинева засмеялась:

– Проблем у нас, конечно, много, но Брада уходит не из-за них. Она потратила много сил в сражении и для верховной берегини теперь слишком слаба. Её решение разумно и закономерно. К тому же она собралась замуж.

– Что?!

Такого Велехов совсем не ожидал. Эта новость была много интересней. Старшим берегиням, как весталкам в древнем Риме было запрещено выходить замуж. Слишком велика была ответственность, и слишком много обязанностей возлагал на них статус.

– И кто счастливчик? – поинтересовался Никита. – Уж не Байтар ли?

– Нет. Это Вурда, – серьёзно ответила Гинева.

– Вурда? С чего вдруг? – Велехов спросил, но на самом деле не удивился. Что-то подсказывало, что ворлак и верховная берегиня связаны.

– Не вдруг, – покачала головой Гинева. – Они познакомились много лет назад, в юности. Тогда и полюбили друг друга. Но Браду стали готовить к посвящению, и обоим было ясно, что судьба не позволит им быть вместе. Вурда избрал свою дорогу, которая вела рядом с Брадой. Всегда охранять её, всегда помогать. Это было единственное, что ему осталось. А сейчас, когда она слагает с себя полномочия, ничто не мешает им наконец быть вместе. Так что вторая причина, по которой я здесь – это приглашение тебе на свадьбу. Она пройдёт через семь дней после церемонии выборов новой берегини.

Никита вздохнул с лёгким сердцем:

– Прекрасные новости, госпожа.

Теперь он точно понял цель прибытия Гиневы и опустился на колено перед ней:

– Окажи мне честь первым принести тебе клятву верности.

Гинева улыбнулась проницательности хранителя, но заметила:

– Я не верховная берегиня. Совет будет выбирать.

– Совет выберет тебя, – ответил на это Велехов.

Гинева спросила уже серьёзно:

– Первая клятва, хранитель. Ты знаешь, что она означает?

Конечно Никита знал. Перед отъездом из Рилевы он сам пытал Ивана по поводу того, что Брада слишком уж к нему относится нетрадиционно. Защищает, доверяет, иногда и просто попустительствует его действиям. В Алавии о Рилевском князе легенды ходили из-за этого.

Тот всё же сдался племяннику. Секрет оказался очень простым. Брада шла по стопам своей матери и бабушки. Они обе были верховными берегинями. И оказалось, что берегиня

Хадита – бабушка Брады получила первую клятву верности из уст последнего князя Левой реки. То есть князя Рилевы Ясеня, прадеда Ивана. Первая клятва устанавливала духовную связь берегини с тем, кто её дал. Связь, которая длилась на протяжении жизни всего рода. Какие плюсы? Поддержка в любой ситуации. Хотя это двусторонняя система. Когда помощь понадобится берегине, отказаться будет уже нельзя.

– Я знаю, госпожа, – ответил Никита.

Гинева кивнула:

– Что ж, не буду лгать, я за этим и прилетела. Получить клятву от тебя, хранитель, значит крепче связать нити магического плетения нашего мира. Если между мной и тобой не будет разлада, это укрепит щит Алавии против любых опасностей.

Велехов опустил голову в знак согласия:

– Пусть так и будет.

Берегиня сняла с пояса маленькую плоскую чашу, расписанную с обеих сторон и опустила так, чтобы Никита смог положить на неё руку. Потом вынула кинжал из ножен на бедре и приставила его острое лезвие к запястью хранителя:

– Повторяй за мной, если готов.

Ветер похолодел, предчувствуя магию, и заструился по телу Никиты, вызывая приятную дрожь.

– С моей кровью отдаю волю свою берегине, что стоит передо мной, – произнесла Гинева, и Велехов повторил эти слова.

В чашу упали первые красные капли.

– И принимаю её волю, как свою, – говорила берегиня. – Откликнусь на её зов, где бы я ни был, и выполню ею сказанное или начертанное, каков бы ни был этот приказ…

Символы на плоской чаше вспыхивали, напитываясь кровью. С каждым словом Никиты лезвие мягко рассекало его кожу, окольцовывая запястье красной линией. И когда она сомкнулась кончиками, Гинева протянула кинжал хранителю. Он повторил то же самое с её рукой, услышав и её клятву – не подвести его, когда ему будет нужна помощь, о чём бы он не попросил.

В полной чаше кровь смешалась и, вспыхнув пламенем на последнем слове берегини, испарилась. А глубокие порезы на руках обоих затянулись, не оставив шрамов.

Никита поднялся с колена, и Гинева улыбнулась:

– Дело сделано. Увидимся в Алавии, хранитель.

Они попрощались, и серебряный дракон унёс берегиню в небо, а Велехов вернулся в квартиру. Странное было настроение. Клятва, данная только что, будоражила своим магическим присутствием пространство, и казалось, будто мягкие наручники сковали запястье. А Никита думал о Вурде.

Можно было понять, что ворлак и Брада связаны. Просто они хорошо прятались, а он не присматривался. Но всё-таки помнил взгляд, которым Вурда смотрел на берегиню. Силе воли ворлака оставалось только поражаться. Быть рядом с любимой женщиной, столь прекрасной и манящей, но ни словом, ни взглядом, ни вздохом не выдать себя.

Никита так и не уснул в эту ночь. Утром вышел на улицу, сел на лавку возле дома и пробыл в своих мыслях ещё какое-то время. Скоро мимо прошла Наташа с ведром мусора. На обратной дороге остановилась, задумалась о чём-то и села рядом с Велеховым. По глазам было заметно, что и у неё ночь прошла без сна. Девочка до сих пор была напугана. Но мятая куртка висела на её плечах, и она как-то по-особенному в неё куталась, словно в очень дорогой плед.

– Ты сделал? – Наташа провела рукой по крашенным доскам, – красиво.

Никита промолчал, понимая, что его маленькая соседка вряд ли присела за этим, и просто взглянул на неё с доброй улыбкой.

Девочка наконец решилась:

– Я в нашем дворе видела большую собаку, ну… очень большую, белую. Ты не видел?

– Видел, – кивнул Велехов.

Наташа даже подпрыгнула. Такого ответа она явно не ожидала.

– Правда?

– Да, бегает тут по ночам здоровый пёс, – невозмутимо подтвердил Никита.

Наташа вздохнула с некоторым облегчением, но вопросов у неё стало только больше. Увидев потерянную куртку на ручке входной двери, она окончательно уверилась в мысли, что сошла с ума. Ведь куртка должна была оставаться на том месте, где её вчера сняли. Неужели огромный волк с белой шерстью, кроме её спасения, ещё и одежду принёс? Это уже чересчур…

Девочка ещё помолчала, но дальше расспрашивать соседа побоялась и собралась домой:

– Ладно, пойду.

– Хочешь мороженное? – спросил Велехов.

Наташа удивлённо взглянула на него:

– Чего?

– Мороженное, – повторил Никита. – Или что-нибудь другое, тоже вкусное. Торговый центр открывается через двадцать минут, как раз доберёмся. Поехали?

УАЗик был припаркован возле дома, а ключи и банковскую карту Велехов носил в кармане куртки. Наташа сидела ещё секунду в раздумьях, потом поставила пустое ведро у лавки и кивнула:

– Поехали.

Утром в кафе не было никого. Никита заказал половину меню и с улыбкой наблюдал, как девочка поглощает горячее вприкуску с мороженным, запивая это всё сладким чаем. После завтрака она собрала в карманы салфетки и зубочистки, порывалась даже забрать солонку.

– Зачем тебе? – удивился Велехов. – Дома соли нет?

– Дома? – Наташа хмыкнула. – Соли, сахара, еды, одежды, а зачем мне это всё? Шутка, – добавила она в ответ на удивлённый взгляд парня, – соль есть.

– Ясно, – усмехнулся Никита, – пошли.

Теперь удивилась Наташа:

– Куда?

– Купим тебе это всё.

Девочка пошла за ним, но слова «шутка» явно ждала. И когда они набирали всё подряд, на что падал взгляд в продуктовых рядах, и потом, уже в магазине одежды. В итоге десять фирменных пакетов с кофтами, платьем, джинсами и шикарной белой курткой заняли всё заднее сидение машины, а Никита завернул Наташу, окончательно заблудившуюся в торговом центре, в магазин обуви за кроссовками и туфлями.

К двенадцати часам они ещё раз посидели в кафе, потом зашли в магазин мыльных принадлежностей, набрали всякой всячины и напоследок вынесли из последнего на пути магазина огромную мягкую игрушку. И Велехов наконец повёз Наташу домой.

Такое количество покупок испугало девочку больше, чем что-либо в жизни. Но страх всё равно не мог убрать улыбку с лица. Глянцевые пакеты приятно хрустели, ароматные шарики для ванной рассыпались по полу салона, и новые туфли сидели на ногах, как влитые. Плюшевый медведь вальяжно развалился на заднем сидении.

Наташа посматривала на Никиту с большим опасением.

– Откуда у тебя столько денег? – спросила она наконец. – Ты бандит?

Велехов засмеялся. Вообще-то именно об этом он сам спрашивал Ивана, когда впервые с ним поехал. А потом узнал, что по алавийским законам природные ресурсы, находящееся на территории княжества, считаются принадлежащими князю, включая золотые прииски. Так что Иван уже давно открыл счета в банках внешнего мира, с помощью которых можно было всю жизнь жить на проценты. Берегини в этом деле помогли. Так же как и с паспортами, и

вообще со всеми необходимыми документами. Оказывается, связи с внешним миром держали крепкие. Вот таким же вкладом пользовался Никита сейчас.

По возвращении домой вездесущие соседки нехорошим взглядом оценили хорошее настроение обоих и количество пакетов, сразу прикинули стоимость и сошлись во мнении, что всё это не просто так – не станет взрослый парень дарить девчонке столько всего ни за что.

– Значит, что-то есть…

– Ой, значит, вот это самое и есть…

– Ой, какой бесстыжий, она такая молодая…

И пошло-поехало.

Может, всё бы на этом и закончилось, но пока Велехов в три захода переносил покупки, приехала мама. Он уж и забыл, что она собиралась в гости. Жили они недалеко друг от друга. Никита переехал в отдельную квартиру несмотря на все уговоры, чтобы была возможность иногда исчезать по ночам.

Конечно, и Елене передалась информация из самого осведомлённого источника. Причём, как оказалось – «это» у Никиты с Наташей давно. В общем, когда он разобрался с вещами, отправил девочку домой и они с мамой вошли в квартиру, первый её вопрос звучал так:

– Сын! Это что, правда?!

– Мам, ты издеваешься? – расхохотался Велехов.

– Нет, ну просто… Может, я приеду к тебе на пару дней?

– Мама!

– Нельзя просто так купить девочке столько подарков! – возмутилась Елена. – Люди это воспринимают неправильно! Мысли им в головы лезут… всякие.

Никита накрыл на стол, усадил маму и налил ей травяного чаю.

– Я просто хотел ребёнка порадовать, – серьёзно сказал он.

– Девочке четырнадцать, – пробурчала Елена.

– И что? – Велехов искренне недоумевал. – Всё равно ребёнок.

– Её родители тоже не поймут, – Елена не сомневалась, что сын своим поступком опять спровоцирует соседа сверху на грубость.

– Ладно, – насмешливо согласился Никита. – Подарю её отчиму ящик водки. Пусть упьётся до смерти. Это будет лучший подарок их семье.

Елена даже вздрогнула, услышав такое.

– Сын, ты злой, чересчур, – осторожно осадила она.

– Я злой? – Велехов вопросительно поднял бровь. – Я как раз добрый. И считаю, что надо помогать хорошим людям.

Елена тяжело вздохнула:

– Ты словно на войне.

Никита удивился, услышав это, и щурясь взглянул на маму.

– Да, – Елена ухватилась за реакцию сына. – Наташа – мирный житель, которого ты защищаешь. Но остальные, словно враги. Её отчим, например.

Велехов ещё мгновения молчал, просто улыбаясь, но потом не выдержал и засмеялся.

– Что? – не поняла Елена.

Никита не мог озвучить ей свою мысль о том, что его настоящие враги долго не живут, и ответил по-другому:

– Мам, я всего лишь считаю, что нельзя потакать глупостям. Может, это и чересчур категорично. Нельзя не вмешиваться, когда речь идёт о жизни ребёнка и нельзя всерьёз обращать внимание на бред людей, которым просто нечем заняться.

– Ладно, – Елена подняла руки в знак примирения. – Сдаюсь, переубедить тебя невозможно. Буду пользоваться правом матери. Будь добрее к недостаткам других. Для меня это важно и я не хочу, чтобы о моём сыне говорили плохо.

– Хорошо, – Никита кивнул. – Я буду стараться.

Но оказалось, что сдержать это обещание будет трудно. Сначала всё шло неплохо. Дни летели спокойно, ночи стремительно. Наташа постоянно дежурила у окна, высматривая своего странного нового друга, и даже вышла пару раз его позвать. Велехов, конечно, не пришёл, чтобы лишний раз не доводить до обморока.

Соседи успокоились. Наконец-то дошло всё доброе, что сеял Никита. Оценили ухоженный двор и белоснежные стены в подъезде, стали вежливо здороваться и называть сыночком. При этом, правда, не перестали сплетничать о Наташе.

Отчим девочки пришёл на разборки. Долго выяснял, что у молодого соседа с его дочерью. Надо же! Дочерью! Чуть позже стало всё понятно. Мужчина заявил, что если ему не компенсируют моральный вред крупной суммой денег, он заявит в полицию от имени Наташи об изнасиловании. Никита вежливо, поскольку Елена в тот момент стояла рядом, разъяснил отчиму, что ради собственного блага, ему стоит отказаться от такой идеи. Мужчина задумался и ушёл.

Велехов жил в мыслях о предстоящем отъезде, и впереди было самое тяжёлое – как-то объяснить маме, почему он должен снова её покинуть. Иногда, конечно, хотелось рассказать ей, но Никита понимал, что принять его – оборотня, и его новую жизнь со всеми её правилами, ей будет очень нелегко.

Всё хорошее закончилось внезапно. Выйдя рано утром на улицу, Никита увидел Наташу. Девочка сидела на лавке, обняв себя руками и дрожа. Сразу было ясно, что она тут уже давно. Замёрзла. Взглянув на соседа, она отвернулась, и при этом стал заметен синяк на шее.

Велехов подошёл.

– Уйди, – тихо сказала Наташа.

– Отчим? – спросил Никита.

Девочка отрицательно покачала головой:

– Собутыльники.

– Он дома?

– Не надо, – прошептала Наташа. – Опять ты лезешь. Не твоё дело.

Велехов присел рядом с ней и отвёл ворот кофты. На девочке живого места не было.

– Не надо, – повторила она, но уже другим голосом, и быстро освободилась от руки парня.

Это о многом говорило, и в Никите закипела злость.

– Деньги нужны, – прошептала Наташа, – мама в больнице, опять откачивают.

– И он решил заработать на тебе, – понял Велехов. – Ты ушла? Успела?

– Да, успела, – девочка вдруг резко повернулась к нему лицом и сглотнула: – Но деньги и правда нужны. У тебя есть. Если хочешь, я могу с тобой… только не с ними.

– Ох… – зарычал Никита. – Вставай, пошли.

Наташа вздрогнула, испуганно сжалась. Велехов шёпотом выругался и уже спокойнее сказал:

– Да не ко мне. В больницу поедем, к маме твоей.

Через час они оба шагали по больничному коридору. Никита отправил девочку в палату, сам пошёл к главврачу. Договорился, чтобы мать Наташи подольше не выпускали. Пусть лечится основательно, дома ей пока делать нечего. Потом оплатил сразу весь курс лечения и оформил солидный благотворительный взнос. Главврач заверил его, что к пациентке будет особое отношение.

Всю дорогу назад девочка молчала, поглядывая на Велехова то с опасением, то с удивлением, но, поднимаясь в квартиру, сама остановила его и спросила:

– Можно, я у тебя переночую?

Хотя до ночи было ещё очень далеко, Никита утвердительно кивнул. Он и сам не собирался отпускать Наташу домой до разговора с её отчимом.

Девочка прискакала через пять минут с вещами и сразу заняла ванную на час. Она ещё купалась, когда приехала Елена. Вид выходящей из ванной комнаты Наташи её впечатлил. Одетая в полотенце девочка открыла дверь, весело сказав:

– Никита, я есть хочу!

И на этом тоже застыла, глядя на Елену. Потом пришлось долго выслушивать и объяснять, что ничего здесь не было. Елена в результате всё поняла правильно, но первым делом задумалась о сплетнях.

Наташе было глубоко наплевать на мнение соседей по поводу её пребывания у молодого симпатичного мужчины, но Елена всё-таки уговорила её вернуться домой на следующий день. Рано утром, когда девочка ещё спала, Никита поднялся наверх и позвонил в квартиру. Покачиваясь и потирая опухшие глаза, отчим открыл дверь и уставился на парня вопросительно.

– Тебе не интересно где твоя дочь? – мрачно спросил Никита.

– Наташка мне не дочь, ты чё не в курсе? – до сих пор полупьяный мужчина злобно оглядел соседа.

– Она придёт домой, – мягко добавил Велехов, – и ты никогда больше её не ударишь.

Отчим удивлённо хлопнул глазами.

– В эту квартиру ты больше никогда никого не приведёшь.

– Ты чё?.

Он не успел закончить. Горло и звук вместе с ним намертво перекрыли пальцы Никиты. Изо рта мужчины потекла слюна, которой некуда было уходить.

– Когда вернётся её мама, – мягко продолжил Велехов, поднимая отчима Наташи на вытянутой руке, – ты тоже никогда больше её не ударишь.

Ноги мужчины оторвались от пола, и глаза налились кровью из-за лопающихся от удушья сосудов. Никита молчал, слушая, как сердце человека в отчаянной попытке удержать жизнь, неистово бьётся в груди. Это ощущение запоминается надолго. Каждый удар равен шагу смерти. Когда она подходит, каждый из нас знает, что вот этот удар, который сейчас будет… последний.

Никита разжал пальцы. Почти бездыханное тело глухо ударилось о пол. Мужчина судорожно вздохнул, прокашлялся и посмотрел на соседа с ужасом.

– Уберись в квартире, приготовь ребёнку завтрак, – напомнил Велехов, уходя.

Когда проснулась Наташа, он проводил её домой. Отчим открыл дверь, оглядел девочку с испуганным выражением лица и неловко произнёс:

– Доброе утро.

Наташа от удивления выронила сумку с вещами. Мужчина ещё помялся и выглянул в подъезд. Увидев соседа площадкой ниже, мгновенно юркнул назад в квартиру со словами:

– Я тебе завтрак сделал.

Никита вернулся к себе, но целый день прислушивался к звукам наверху. Там царили тишина и покой. Мама завалила его вопросами:

– Что ты сделал? Ты что-нибудь сделал? Зачем ты ходил к нему?

– Прояснили кое-что, – отмахивался Велехов.

К вечеру всё успокоилось окончательно, и Никита проводил маму до её квартиры. Потом прогулялся по окрестностям, купил бродячим собакам еды, так что вернулся к дому только, когда стемнело. Издалека заметил, что у подъезда стоит Наташа и с ней незнакомый парень.

Внезапное нехорошее предчувствие остановило Никиту, и он шагнул назад в тень, наблюдая. Парень выглядел вполне обычно: высокий, стройный, в чёрной ветровке, волосы короткие тёмные.

Велехов прислушался к разговору.

– Такой же, как я… – долетело до него. – Только волосы светлые и глаза голубые. Зовут Никитой.

Девочка покачала головой:

– Нет, не знаю такого.

Велехов почувствовал тревогу. Не зря говорят, что дети опасность чувствуют. Раз Наташа так отвечает, значит, и у неё сомнения.

– Ладно, – парень пожал плечами, но неестественно. – А собаки белой тут у вас не водится? Большого пса какого-нибудь?

– Так…

Вот это уже совсем не хорошо. Никита потянул носом воздух. Обманчивый запах чувствовался, но странный, не похожий ни на что – и не оборотень, и ни человек. Трава или цветок…

– А-а-а, да что б тебя…

Велехов понял – запах сбит. Залит зельем с ароматами трав. Но в этом парень не угадал. Это только в лесу поможет, но не здесь, не в городе. Здесь такая кристальная чистота и выдаст. Друг прятаться не стал бы, это факт.

Дверь в подъезде громыхнула, вышел отчим Наташи.

– Наташка, домой! – крикнул он.

Девочка пошла к крыльцу, а отчим вдруг направился к парню:

– Ты чё? Подкатываешь?

Тот не понял вопрос. Смерил мужчину презрительным взглядом и развернулся, чтобы уйти. Разумеется, именно та реакция, которая должна быть у жителя внутреннего мира.

– Э, стой…

Отчим только успел положить парню руку на плечо, и тот себя выдал окончательно. С разворота кулак оборотня врезался в живот мужчины, выбивая брызги крови. Наташа испуганно закричала, а Никита выругался, в два движения снимая с себя футболку и штаны.

Оборотень отшвырнул отчима и направился к девочке, застывшей в ужасе. Свидетель не нужен никому. Наташа поняла это быстро и ринулась к дому со всех ног. Одежду на парне уничтожил синий огонь, и чёрный волк в два прыжка догнал девочку, намереваясь покончить с ней одним ударом, но второй прыжок оборвался в аккурат над головой Наташи.

Она упала, обернулась и увидела, как два огромных зверя сцепились над ней. Девочка застыла, прикусив губу в кровь от страха, но радостная мысль всё же пробилась – её друг пришёл на помощь!

– Хранитель! – радостный выкрик проник в сознание Никиты. – Долго мы тебя искали!

– Кто это мы? – зарычал Велехов, отбросив противника.

Навийские волки, откуда ни возьмись, выпрыгнули с разных сторон и окружили, а Никита сразу понял, что его хотят живым. Чтобы убить достаточно двоих, а вот чтобы удержать и вырубить нужны минимум пять. Столько их и пришло.

Велехов мельком взглянул на девочку, замершую в ужасе перед ним. Первым делом нужно убрать её отсюда, остальное потом. Никита схватил Наташу, забросил её к себе на спину и мощным мысленным импульсом приказал:

– Держись!

А потом ринулся к дому. И оборотни, конечно, за ним. Никита оттолкнулся от земли в прыжок, взмыл к балкону на третьем этаже, зацепился одной лапой за подоконник, второй перебросил девочку в её квартиру. Наташа вскрикнула, упав на свой балкон, а Велехов полетел вниз прямо в лапы врагам. Они тоже прыгнули за ним, и все сцепились в клубок, ещё не коснувшись земли.

Девочка, оказавшись дома, немедленно вскочила и разрыдалась от боли и страха, но больше от того, что убивают её друга! И не придумав ничего другого за мгновения, принялась швырять вниз весь хлам, попадавшийся под руку на балконе, и жутко кричать:

– Помогите! Спасите! Позвоните в полицию! Пожар! Мама! Отстаньте от него!

Велехов сбросил одного оборотня ударом о дерево, и едва тот ослаб, пробил шею до позвоночника. Вот всегда верил, что пригодится тополь у подъезда. Второму разорвал живот, но ещё трое вцепились намертво. Когти Никиты остались в рёбрах одного из них после того, как лапа попала сначала в пасть, и жернов челюстей раздробил кости.

Холку тоже ободрали основательно. Чёрный волк сплюнул кусок кожи хранителя вместе с позвонком, а Велехов почувствовал, что двигаться стало труднее, передние лапы не слушались. Теперь он точно знал, что его хотят живым. Оборотни делали всё, чтобы его обездвижить, а не убить. Что ж, только поэтому он ещё жив.

Швабра с грязной тряпкой врезалась в голову одного из волков. Наташа наверху не собиралась сдаваться. Бегала по квартире в поисках всего, что можно кинуть. Полетели ножи с кухни, кастрюли. Всё в цель. Умница девочка, пристрелялась.

Разинутая пасть, нацеленная прямо на Никиту, отклонилась от удара в голову волка электрической плиткой. Оборотни, наконец, завелись. Тот, которому попало, разъярённо повернулся в сторону дома. От его рыка Наташа внеслась назад в квартиру.

Разлетевшаяся плитка дала Велехову секунду времени. Она даром не прошла. Белый волк вывернул шею из челюстей оборотня и удачно вцепился в горло.

В окнах включался свет, слышались возмущённые возгласы жильцов, которые сначала подумали, что на улице шумная пьяная компания. Но мощный рёв заставил весь квартал застыть в ужасе с вопросом:

– Господи, это что?!

– Друг, держись! – это кричала только Наташа. – Не сдавайся! Я сейчас!

Сильный мысленный импульс пробился в сознание Никиты:

– Покалечим тебя, хранитель, и она следующая!

Ненависть дала Велехову ещё каплю сил. Одну каплю, чтобы сделать рывок и отбросить двух волков, но удар в грудь едва не остановил его сердце. Он рухнул на землю, не в силах подняться ещё секунду. Целая вечность для боя! За секунду можно убить или умереть!

Но внезапное присутствие коснулось его сознания за мгновение до того, как с двух сторон нагрянули родные оборотни:

– Свои, хранитель!

И мощная красавица Дарья врезалась в одного из волков. Рир впечатал в стену дома второго, Димка и Лютик завершили дело с последним, а Никита поднялся, едва дыша. Но, правда, взглянув наверх, улыбку не сдержал. Наташа вынесла маленький телевизор с кухни. Стояла, раздумывала – сбросить или нет.

Рир обратился в человека и подбежал к Велехову:

– Жив?

Никита опёрся мордой на его плечо, чтобы устоять на лапах:

– Да, вроде. Посторонись…

Рир поднял голову, и оба шагнули в сторону вовремя. Мимо со свистом пролетел телевизор и с грохотом разлетелся на детали. Оборотни засмеялись. Димка махнул Наташе рукой:

– Молодец! Что, не удержала?

Девочка не ответила, но покачнулась и отошла.

– Сейчас в обморок упадёт, – констатировал Димка.

Света вокруг становилось всё больше, люди высовывались из окон.

– Давайте на ту сторону дома, – приказала Дарья. – Никит, ты как превращался? В одежде?

– Нет, вон за теми кустами осталась, – Велехов показал кивком головы.

– Лютик, неси, – отправила того Дарья. – Ждём.

Оборотень помчался вкруговую по кустам, а остальные перебрались за дом, забрав и тела. Никита принял человеческий облик. Теперь «паутинки» на нём не было, но Дарьи он не

стеснялся, а осмотреть себя было надо. В принципе, всё уже начало заживать, только трещины в позвоночнике ещё не срослись, руки и ноги так и оставались ватными.

Но первым делом Велехов всё-таки обнял Рира и Димку.

– А-а-а, скучал, – засмеялись братья. – Хоть бы раз в свисток дунул, скотина ты эдакая.

– Как вы здесь оказались? – спросил Никита.

– Так мы на работе, – усмехнулся Рир. – Следим, чтоб по территории Рилевы никто чужой не ходил. А сегодня засекли активацию тропы. Самая ближняя цель к точке выхода – ты. Сразу стало ясно куда пойдут.

Из-за угла дома внезапно появилась запыхавшаяся Наташа и замерла, оглядев всех широко открытыми глазами. Рир быстро загородил собой Никиту, но девочка уже заметила его лицо среди остальных и радостно прошептала:

– Я знала, что это ты.

Из кустов выпрыгнул Лютик с одеждой в зубах, а Димка подошёл к Наташе.

– Какая ты храбрая, – похвалил он, присев рядом.

Девочка смотрела на него не дыша. Симпатичный кареглазый парень с изящными чертами лица совсем не походил на мощного волка-оборотня. Лишь крепкое телосложение и чёрная сетка на теле показывали, что это не просто человек.

Димка улыбнулся и протянул Наташе конфету в золотой фольге:

– Съешь!

Никита оделся и подержал во рту обрубки пальцев, чтобы быстрее росли.

– Никто мне не поверит… – долетал до него голос Наташи. – Не бойтесь, я не расскажу. Не надо конфету.

– Вот же умный ребёнок, – усмехнулся Велехов.

Сладкие драже были специальным средством разведчиков – порошок дурман-травы, смешанный с сахаром. При выходе во внешний мир полагалось брать их с собой. В воде и еде растворялись, можно было в порошок растолочь и в лицо дунуть. Один вдох и провал в сознании часа на три. Имя своё забыть можно.

Но Наташа явно чувствовала, что она нежелательный свидетель, так что подвоха с конфетой ждала с полной уверенностью.

– Скорая приехала, – сказал Лютик, наблюдавший из-за угла дома за происходящим перед крыльцом, – кто-то вызвал.

Перед домом толпились соседи, окружив лежащего в крови мужчину. Слышались удивлённые испуганные голоса.

– Наташ, – позвал Никита, – сходи, помоги отчиму. Надо отдать врачам его документы и вещи собрать.

– Он мне никто! – резко ответила девочка. – Я ему помогать не буду!

Велехов покачал головой:

– Не отказывайся. Он за эти дни много боли получил. Может, и образумится.

– Пошёл он!

– Твоё право. Но я бы сходил, – настоял Никита.

– А вы? Вы уйдёте! – испугалась Наташа.

– Мы не торопимся, – успокоил её Димка. – Будем у Никиты. Ты успеешь.

Девочка ещё подумала, но всё же кивнула и помчалась бегом.

– Времени у нас немного, – заметила Дарья, проводив её глазами. – Это могла быть не единственная группа.

Оборотни просидели в кустах, ожидая пока перестанут мелькать жильцы дома и уедет машина скорой помощи, и, когда всё стихло, отправились к подъезду. Наташа с нетерпением ждала их здесь.

Уже в квартире Лютик завалился на диван перед телевизором, Дарья пошла в ванную смыть кровь, остальные сели на кухне. Рир увидел на полке чайные мешочки из Софьиных гостинцев и заварил всем травяной чай. Наташа только успевала переводить взгляд с одного оборотня на другого и совсем не боялась. Никита даже удивился этому. Но девочка, глядя на него с полным восторгом, сказала:

– Это же так здорово! Ты настоящий оборотень! И твои друзья тоже!

Велехов с улыбкой кивнул, видя, как Димка опустил в кружку Наташи драже с дурманом. Та не заметила и сделала глоток.

– А что ты здесь делаешь? – девочка засыпала Никиту вопросами. – А те другие волки, они кто? Почему вы дрались?

Велехов улыбнулся, зная, что ответить ни на один не успеет:

– Не могу рассказать, тайна.

Наташа сонно зевнула и её глаза закрылись. Димка подхватил её на руки уже спящую.

– Вот и хорошо, – засмеялся он. – Теперь кошмары сниться не будут.

Дарья вернулась из ванной чистая, оставляя мокрый след, и тоже села за стол.

– Иван приедет? – спросил Никита.

– Да. Сразу за нами выезжал, – ответила она, придвигая кружку.

Димка поднялся с Наташей на руках и отправился в комнату. Там Лютик смотрел какой-то фильм и с интересом пытался прикурить сигарету. Нашёл пачку тонких «Вог» Елены Алексеевны.

– Балбес, не кури при ребёнке! – отчитал его Димка. – И вообще уйди.

Лютик усмехнулся, освободил место на диване для спящей девочки и вышел с сигаретой на балкон. Там успел сделать пару затяжек и внезапно крикнул в комнату:

– Эй! Привал отменяется!

Фары машины осветили окна.

– Иван приехал!

Через минуту Никита открыл ему дверь, и они с дядей крепко обнялись.

– Знаешь, кто их отправил? – спрашивал Иван уже на кухне за чаем.

– Кроме Таркора некому, – Велехов даже не сомневался в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.